SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Яков Васильевич Абрамов
  -
  - Глава I. Жизнь Колумба до появления мысли о путешествии через океан
  - Глава II. Колумб в Португалии
  - Глава III. Колумб в Испании
  - Глава IV. Открытие Нового Света
  - Глава V. В Новом Свете
  - Глава VI. Второе путешествие
  - Глава VII. Третье путешествие
  - Глава VIII. Последнее путешествие
  - Глава IX. Последние дни Колумба и его смерть
  - Источники
- notes
  - 1

Яков Васильевич Абрамов Христофор Колумб. Его жизнь и путешествия

Биографический очерк Я. В. Абрамова

С портретом Колумба, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. Жизнь Колумба до появления мысли о путешествии через океан

Происхождение Колумба. – Его детство. – Учение. – Работа в мастерской отца. – Генуя и ее морское значение в средние века. – Поступление во флот. – Борьба с турками. – Мечта об освобождении Гроба Господня. – Мысль об открытии стран, посещенных Марко Поло.

Христофор Колумб принадлежит к числу тех великих людей, о детстве, юности и даже значительной части позднейшей жизни которых сохранились лишь самые ничтожные, отрывочные сведения. Лишь с того момента, когда Колумб уже более чем в зрелом возрасте явился в Испанию с проектом путешествия через океан для открытия богатых стран, которые он считал восточною окраиною Азии, летописи тщательно отмечали каждое происшествие его жизни, часто с прикрасами, создаваемыми пылкой фантазией летописцев. Что же касается жизни этого великого человека до появления в Испании, то она до сих пор остается и, вероятно, навсегда останется в значительной мере покрытой мраком неизвестности. Несмотря на все старания исследователей и биографов, из жизни великого путешественника до его пятидесятилетнего возраста удалось восстановить только немногие факты, далеко не дающие возможности составить ясное понятие о том, каким путем он пришел к гениальной мысли о возможности добраться до стран *Востока,* отправившись в путь на *запад,* и только знакомство с общим состоянием тогдашней прогрессирующей мысли несколько выясняет эту великую тайну.

Колумб по происхождению был итальянцем, родом из Генуи. Он родился в 1435 году. Его отец, Доминик Колумб, был ремесленником: он имел небольшую мастерскую, в которой с несколькими рабочими чесал шерсть и ткал сукно. Ремесло это давало семье Колумба полное обеспечение в средствах к жизни, и Доминик Колумб считался зажиточным человеком. Кроме отца и матери, к которым Колумб относился до конца их дней с глубокой любовью и сыновним уважением, семья его состояла из четырех братьев и одной сестры. Христофор Колумб был старшим из братьев. Один его брат умер в детстве, сестра была замужем за неизвестным торговцем. Двое остальных братьев, с которыми Христофора Колумба связывала самая тесная дружба, принимали близкое участие как в его славе, так и в его несчастиях. Их звали

Варфоломей и Яков.

Как жилось Христофору Колумбу до десятилетнего возраста – неизвестно. Десяти лет отец послал его учиться в Павию. Учение Колумба продолжалось недолго, так как четырнадцати лет мы встречаем его уже служащим на корабле, а в промежутке между школой и морем он провел еще некоторое время в мастерской отца, принимая участие в производившихся там работах. Уже отсюда видно, что образование, полученное Колумбом в школе, не было обширным. И действительно, чтение, письмо, начала арифметики, обрывки латыни да несколько исторических и географических сведений, совершенно ничтожных, – вот все, что дала школа Колумбу. И если впоследствии, в зрелом возрасте, Колумб поражал людей, с которыми он приходил в соприкосновение, своими обширными и разносторонними познаниями, то этим он всецело обязан самообразованию. Жизнь, полная приключений, бросавшая его из одного пункта Средиземного моря в другой и сталкивавшая с самыми разнообразными людьми, была особенно благоприятна для обогащения познаниями такого человека, как Колумб, обладавшего широкой любознательностью и острым, аналитическим умом.

Четырнадцати лет, как мы сказали, Колумб стал моряком. Ранее отец хотел, чтобы он унаследовал его ремесло, и пытался обучить Христофора этому делу. Но скоро обнаружилось, что Колумб – моряк по призванию. В этом не было ничего удивительного, так как в то время почти все генуэзцы были моряками по призванию.

Как известно, в средние века города Верхней Италии, благодаря развитию в них торговли и промышленности, составляли наиболее богатую часть Европы. Богатство давало им средства быть независимыми от представителей тогдашнего феодального строя, и каждый из городов Верхней Италии являлся самостоятельной республикой. Между этими городами особенно могущественными являлись Венеция и Генуя, которые захватили в свои руки всю торговлю Европы с богатым Востоком – торговлю, являвшуюся тогда важнейшим видом международных сношений. В интересах этой торговли, а затем и из политических видов, венецианцы и генуэзцы захватили в Средиземном море, в особенности в восточной половине его и его разветвлениях, множество островов и приморских пунктов. Достаточно упомянуть, что генуэзцы владели в самом центре Византийской империи, Константинополе, колонией Галатой. Генуэзцы проникли и в Черное море, где важнейшей их колонией была Каффа в Крыму. Ряд генуэзских факторий тянулся по восточному

берегу Черного моря и шел далее через кавказский перешеек к Каспийскому морю, а торговые сношения генуэзцев проникали далеко в глубь Азии – до пределов Татарии и Китая. Для этой обширной торговли необходим был огромный торговый флот, а для защиты последнего и факторий, разбросанных на огромном пространстве, – военный флот. Таким образом, генуэзцы почти поголовно были моряками-купцами или воинами, или чаще тем и другим вместе. Обширная торговля обогащала Геную, а богатство давало ей возможность увеличивать свой флот, расширять военные предприятия и делать новые приобретения в разных пунктах Средиземного моря.

К тому времени, когда Колумб вступил в генуэзский флот, величие Генуи, как и вообще городов Верхней Италии, начало падать. С одной стороны, среднеевропейские государства начали подчинять себе области Италии, воюя за господство в ее пределах и разоряя ее. С другой стороны, испанцы, португальцы и затем голландцы, прокладывая новые пути для мировой торговли, становились могущественными соперниками генуэзцев в этой области. Однако наиболее ощутимыми были удары, которые наносили венецианцам и генуэзцам турки – новый фактор в истории тогдашней Европы. К середине XV столетия турки владели уже почти всем малоазиатским побережьем Средиземного моря и значительной частью Балканского полуострова, а вскоре после этого захватили и Константинополь. Турки уничтожали торговлю венецианцев и генуэзцев и захватывали их владения по островам и берегам Средиземного моря. В то же время турецкие пираты опустошали берега Южной Европы, захватывали по всему Средиземному морю корабли христиан и, наконец, завладели севером Африки (Триполи, Тунисом и Алжиром), который и превратили в ряд разбойничьих государств, откуда постоянно выходили целые флоты морских разбойников.

Таким образом, в то время, когда Колумб вступил в генуэзский флот, его родной город должен был вести беспрерывные войны, – частью против европейских государей, пытавшихся покорить разные итальянские области, но главным образом – против турок. К сожалению, об этом довольно продолжительном периоде жизни Колумба, в течение которого он был на службе в генуэзском флоте, сохранилось слишком мало сведений. Известно только, что еще ребенком Колумб получил рану, нанесенную мечом, в сражении с турецкими пиратами в Левантийских водах. Рана эта была очень серьезной и, открывшись впоследствии, чуть не послужила причиною смерти Колумба во время его последнего путешествия в Новый Свет.

В генуэзском флоте были два родственника Колумба, занимавшие видное положение и прославившиеся своей борьбой с турецкими пиратами. Старший из них приходился ему двоюродным дедом, а младший двоюродным дядей; первый известен в истории под именем Коломбо-архипирата, а второго называли Коломбо-младшим.

В 1459 году, когда Христофору Колумбу было 24 года, Коломбо-архипират был приглашен командовать провансальской эскадрой, которую посылал к Неаполю против испанцев Рене Лотарингский. Последний все это время предъявлял свои притязания на Неаполь, который должен был достаться ему в силу наследственных прав. Такие же притязания предъявлял и король арагонский Альфонс V. В борьбе этих претендентов принимали участие все итальянские государства и города, стоя за ту или другую сторону. Коломбо-архипират, отправляясь командовать провансальской эскадрой, взял с собой и своего двоюродного внука, Христофора Колумба, бывшего уже офицером и получившего при этом командование на одном из кораблей. Христофору Колумбу было поручено овладеть неаполитанским кораблем, который, спасаясь от провансальской эскадры, направился к Тунису. Неаполитанский корабль был несравненно сильнее того, которым командовал Колумб. Экипаж последнего, считая чистым безумием нападать на неаполитанский корабль при таком неравенстве сил, отказался повиноваться своему командиру и потребовал возвращения в Марсель. Колумб для виду уступил, но в то же время тайно направил ход корабля к Тунису, догнал неаполитанское судно и взял его. Таким образом, Колумб уже в это время обнаруживал находчивость и неустрашимость, с таким блеском проявившиеся во время его первого путешествия в Новый Свет.

После рассказанного эпизода Колумб поступил под команду своего двоюродного дяди, Коломбо-младшего. Последний, командуя несколькими генуэзскими эскадрами, в течение многих лет наполнял славой своих подвигов против турок восточную половину Средиземного моря, и в особенности архипелаг. Христофор Колумб принимал участие в этих подвигах, но никаких подробностей о нем за это время не сохранилось.

Таковы те ничтожные сведения, которые мы имеем относительно внешних событий первого периода жизни Колумба, до 33-летнего возраста, когда судьба забросила его в Португалию. Зато остались сведения относительно того внутреннего состояния Колумба, которое привело его к открытию Нового Света. Как мы уже говорили, в это время вся Южная Европа жестоко страдала от турок, и, в особенности, от турецких пиратов. Последние,

неожиданно появляясь в различных пунктах Средиземного моря, жгли города и села, грабили все, что могли ограбить, часть населения беспощадно убивали, а другую уводили в рабство. И это происходило ежегодно в тысячах мест. В то же время турецкие войска, производившие «правильные» завоевания в Юго-Восточной Европе, позволяли себе страшные жестокости, истребляя христианское население сотнями тысяч. Вся Европа, в особенности Южная, была охвачена пламенной ненавистью к туркам, вскоре принявшей религиозный характер. Бороться против турок считалось делом чести, угодным Богу. Поднялось возбуждение, подобное тому, которое ранее вызвало ряд крестовых походов для завоевания Гроба Господня. Теперь также поднималось несколько крестовых походов, хотя и более слабых, на помощь тем христианским государствам, которым приходилось выносить важнейший натиск турок, Византийской империи, Сербии и Венгрии. Достаточно сказать, что при падении Константинополя среди его защитников оказались представители почти всех европейских народностей. Здесь были и семьсот соотечественников Колумба, генуэзцев, предводитель которых играл при этом такую выдающуюся роль, что Константинополь тотчас же пал, как только вождь генуэзцев был смертельно ранен.

Это движение, направленное против турок, захватило и Колумба, и, может быть, его больше, чем кого-либо другого из его современников. Мысль об изгнании турок из стран, лежащих по берегам Средиземного моря, и в особенности об освобождении от турецкого владычества священных для христиан по историческим воспоминаниям местностей Палестины, сделалась мечтою всей жизни Колумба. Он, однако, видел, как далека эта мечта от действительности. Он видел, что на всех пунктах борьбы турки остаются победителями христиан, и слишком хорошо понимал причины этого явления. Такими причинами являлись разрозненность христиан и их своекорыстие. В то самое время, когда во всем христианском мире шла проповедь крестового похода против турок, французский король не стыдился вступать в формальный союз с турецким султаном и пользоваться услугами тех самых страшных турецких пиратов, которые наводили ужас своими жестокостями на все христианские государства Средиземного моря. Венецианцы и генуэзцы, находившиеся почти постоянно в борьбе с турками, за деньги оказывали им самые гибельные для христиан услуги, – например, перевозили на своих флотах турецкие войска из Малой Азии на Балканский полуостров. Соперничество отдельных христианских государей и правительств позволяло туркам одолевать одно христианское государство за другим и расширять свои владения. Колумб видел,

что возбужденная масса давала обширный материал для создания могущественной силы, которую можно было противопоставить туркам, но понимал также, что в этом деле нечего рассчитывать на тогдашние христианские правительства. И тогда у него явилась смелая мысль создать самому эту силу, с помощью которой можно было бы отнять у турок Гроб Господень.

Но как создать эту силу? В людях, воспламененных религиозной ненавистью к туркам, недостатка не могло быть. Напротив, на это дело можно было поднять целые народы. Однако для превращения этих нестройных масс в войско, для вооружения его и содержания в течение многолетней войны необходимы громаднейшие средства, превышающие те, которыми могли располагать тогда сильнейшие государства Европы. Где же взять такие средства? И вот тогда у Колумба впервые явилась мысль о неисчислимых богатствах таинственного Востока, о котором тогда в Европе имели самые фантастические понятия, основанные на легендах, преданиях, изумительных рассказах восточных купцов и особенно на свидетельстве таких смелых путешественников, как Марко Поло, подкреплявших свои сообщения о богатствах Востока огромными сокровищами, которые он принес из Татарии и лежащего за нею загадочного Сипанго. Мысль о проникновении в эти таинственные богатые страны, о приобретении там громаднейших сокровищ и обращении их на дело освобождения Гроба Господня с этого времени всецело овладела Колумбом и, в конце концов, привела его к открытию Нового Света.

Глава II. Колумб в Португалии

Битва с венецианцами и спасение Колумба. – Его жизнь в Лиссабоне. – Развитие мысли о путешествии на восток через запад. – Женитьба Колумба. – Его пребывание на Азорских островах и окончательное убеждение в возможности достигнуть Индии через Атлантический океан. – Предложение плана путешествия генуэзскому сенату и отказ последнего. – Предложение португальскому правительству; коварство сената. – Новое предложение генуэзскому сенату и новый отказ. – Отъезд Колумба в Испанию.

В 1468 году Коломбо-младший, двоюродный дядя Христофора Колумба, получил приказ идти с генуэзским флотом через Гибралтар в Атлантический океан и встретить там эскадру судов, шедшую из Фландрии с произведениями этой страны и принадлежавшую венецианцам, с которыми генуэзцы были в то время в состоянии войны. Встреча враждебных эскадр произошла у берегов Португалии. Сражение было жестоким. Корабли сцепились друг с другом, и экипаж сражался врукопашную. Корабль, которым командовал Христофор Колумб, сковал себя с венецианскою галерою железными цепями; во время боя галера загорелась, и, так как генуэзский корабль не мог порвать связывавшие его с галерою цепи, огонь перешел на него, и скоро оба корабля представляли сплошную огненную массу. Между тем во время боя корабль Христофора Колумба настолько удалился от остального флота, что был потерян из виду; берег был также далеко. Единственным шансом спасения было броситься в воду и попытаться доплыть до берега. Колумб и его экипаж так и сделали. Немногие из них, однако, были в состоянии проплыть огромное пространство, отделявшее горевшие корабли от берега, и в числе этих немногих был Колумб.

Спасшись, Колумб направился в Лиссабон. Здесь он нашел многих своих земляков, проживавших по торговым делам, и между ними своего брата Варфоломея.

В то время португальцы являлись самым предприимчивым морским народом Европы. Они вели обширную морскую торговлю. Их моряки прошли вдоль всего западного берега Африки вплоть до мыса Доброй Надежды. На этом пространстве португальцы заняли ряд африканских островов, до сих пор принадлежащих им, и основали фактории по берегам Африки для торговли с туземцами. Смелые португальские моряки мечтали об открытии пути вокруг Африки в Индию, о богатствах которой в Европе тогда ходили самые баснословные рассказы. В Лиссабоне,

как средоточии португальской жизни, жило множество моряков и купцов, – не только португальских, но и принадлежавших к другим морским народностям Европы. Это была, таким образом, самая подходящая среда, чтобы дать дальнейшее развитие мечте Колумба о проникновении в таинственные страны Востока и приобретении там неисчислимых богатств для освобождения Гроба Господня.

Брат Колумба, Варфоломей, был таким же моряком и мечтателем, как и Христофор, хотя значительно уступал ему в энергии и силе веры в успех своих начинаний. Он жил в Лиссабоне, рисуя географические карты для продажи морякам; он познакомил Колумба с жившими в Лиссабоне земляками – генуэзцами и вообще ввел его в местное морское общество. По сохранившимся от этого времени сведениям видно, что Колумб уже тогда обладал обширнейшими географическими сведениями, поражавшими всех, кто приходил с ним в соприкосновение. Он изучил решительно все, что оставили по географии древние авторы и что было сделано в этом отношении в христианскую эру. Сведения, собранные арабскими географами, данные, добытые генуэзцами и венецианцами, проникавшими в глубь Азии и Африки (с севера) и огибавшими Европу до Скандинавских стран, наконец новейшие открытия португальцев – все это было тщательно изучено Колумбом. Плодом такого изучения явилась крайне смелая для того времени мысль о шарообразности Земли и о том, что в таинственные страны Востока можно проникнуть, отправившись на запад через Атлантический океан.

В Лиссабоне Колумб жил, подобно брату, продажей составляемых им географических карт. Моряки охотно заказывали ему эти карты, потому что они были полнее и правильнее карт, составляемых всеми другими. Вместе с тем они охотно вступали с ним в беседы по географическим вопросам, так как он сообщал при этом всегда массу новых для них сведений. В свою очередь, они рассказывали ему то, что узнали из своего личного опыта, и этим путем Колумб ознакомился со многими явлениями, наблюдавшимися на африканских островах, занятых португальцами; эти явления подтверждали его мысль о существовании больших стран далеко за Атлантическим океаном, которые Колумб принимал за азиатскую Индию, Сипанго Марко Поло и вообще таинственные и богатые страны Востока. Он решил отправиться на упомянутые острова и проверить сообщенные ему факты. Брак великого моряка с португалкой ускорил отъезд его из Лиссабона.

Фелиппа де Перестрелло, с которой Колумб вступил в брак, была дочерью моряка, принимавшего деятельное участие в

открытиях вдоль западного берега Африки. Вскоре после женитьбы Колумба сестра его жены вышла замуж за морского офицера Педро Корреа, назначенного губернатором острова Порто-Санто, который лежит рядом с островом Мадера. Сюда, вместе со своим зятем, отправился и Колумб с женой, и здесь у них родился единственный сын – Диего.

На Порто-Санто Колумб сделал целый ряд наблюдений, укреплявших его в мысли о возможности достижения стран Востока через Атлантический океан. Однажды он нашел прибитый западными ветрами к берегу кусок дерева, на котором искусно были вырезаны странные изображения. Откуда могло взяться это скульптурное изделие, как не из страны, лежащей на запад от Атлантического океана? Из Порто-Санто Колумб, чтобы расширить поле своих наблюдений, предпринимал ряд путешествий на острова Зеленого Мыса, Канарские и Азорские. Особенно любопытные вещи заметил Колумб на Азорских островах. Здесь он узнал, что при сильных западных ветрах к берегам некоторых из островов Азорской группы приплывают громадные деревья, подобных которым нет в Европе. Однажды к Цветочному острову прибило даже два трупа совершенно неизвестной расы. И подобных фактов у Колумба накопилось множество, так что в конце концов у него не оставалось уже ни малейшего сомнения относительно существования стран на запад от Атлантического океана. Его ошибка заключалась только в том, что он считал эти страны восточной частью Азии, тем таинственным Востоком, богатства которого ему были нужны для борьбы с турками и освобождения Святой Земли.

Восемь лет прошло уже с тех пор, как Колумб попал в Португалию. Теперь, когда он был окончательно убежден в том, что, направившись через Атлантический океан, неизбежно попадешь в лежащие за ним страны и что это есть кратчайший путь к странам Востока, Колумб решился приступить к практическому осуществлению своей мечты, то есть к совершению путешествия через океан с целью открытия новых стран. Для снаряжения экспедиции такого рода были необходимы немалые средства, которых у Колумба, жившего единственно трудами рук своих, конечно, не было. Но Колумб не сомневался, что всякое правительство, которому он предложит организовать экспедицию, с полной готовностью даст необходимые средства ввиду тех неисчислимых выгод, которые должно приобрести государство, открывшее первым и занявшее богатые страны, лежащие за Атлантическим океаном. Именно из-за этих громадных будущих выгод Колумб желал, чтобы экспедиция была организована его отечеством – Генуей. В этих видах Колумб

оставил Португалию и отправился в Геную. В Генуе еще жили его родители и два младших брата, которым он постоянно помогал из своих скудных средств. Повидавшись с родными, Колумб представил генуэзскому сенату проект путешествия через Атлантический океан, подробно выясняя возможность его и указывая на выгоды, которые ожидают Геную от осуществления этого предприятия. Сенат был поражен громадностью и смелостью проекта Колумба, но нашел его химеричным и вежливо отклонил предложение под предлогом тогдашней бедности государственной казны. Колумбу, таким образом, приходилось обратиться со своим предложением к чужеземному правительству. Он снова отправился в Португалию.

С царствовавшим тогда в Португалии Альфонсом V Колумб познакомился еще во время своего первого пребывания в Лиссабоне. Альфонс V усиленно покровительствовал мореплаванию и путешествиям, так как хорошо понимал, в какой мере зависит от них благосостояние его маленького государства. Он охотно беседовал с Колумбом, ценя его обширные географические познания, и относился к нему с глубоким уважением. Колумб не сомневался, что Альфонс V с полной готовностью примет его предложение и снарядит эскадру для путешествия. Однако, явившись в 1477 году снова в Португалию, Колумб, прежде чем обратиться со своим предложением к королю, предпринял продолжительное путешествие на север Европы. Он побывал в Англии и доходил до Исландии. О целях и подробностях этого путешествия не осталось никаких сведений. Можно только догадываться, что Колумб хотел проверить свои заключения о существовании материка на запад от Атлантического океана наблюдением по западным берегам европейских островов тех явлений, которые он наблюдал на островах Западной Африки.

Когда в 1479 году Колумб вернулся в Португалию, он не застал уже в живых Альфонса V, место которого занял его сын Жуан II. Новый король был еще большим любителем мореплавания и покровителем мореходов. Он с восторгом выслушал проекты Колумба и согласился снарядить экспедицию. Но, когда Колумб изложил условия, на которых он согласится повести ее к открытию новых стран, Жуан II отказал ему в своем содействии.

Условия эти были действительно необыкновенны. Как мы уже говорили, мысль об открытии новых стран явилась первоначально у Колумба, как мысль о средстве приобрести громадные богатства, необходимые для завоевания Святой Земли у неверных. Эта мечта о борьбе с турками за Гроб Господень не

оставляла Колумба до конца его дней. Если бы ему не удалось осуществить эту мечту, он собирался завещать ее своему потомству. Но, чтоб открытие новых стран действительно дало Колумбу те громадные богатства, которые были необходимы для осуществления мечты о борьбе с турками, ему надо было стать в особые владетельные отношения к открытым странам. Это необходимо было также и для того, чтобы Колумб после открытия новых стран мог иметь в Европе достаточный авторитет для поднятия нового крестового похода против турок. Ввиду всего этого Колумб требовал, чтобы он был назначен вице-королем и генерал-губернатором всех островов и континентов, которые будут открыты им и после него в Атлантическом океане, чтобы он получал в свою пользу половину всех богатств, которые получит португальское правительство со всех присоединенных им стран, и чтобы все эти звания и права были наследственными в его семье.

Жуан II лично склонялся к принятию этих условий, но его придворные внушили ему, что в случае согласия он уступит Колумбу важнейшие из своих владетельных прерогатив. Тогда Жуан предложил Колумбу пожизненное губернаторство в открытых им странах. Колумб отказался принять такое ограничение. Придворные посоветовали Жуану продолжать переговоры с Колумбом и потребовать от него подробного письменного изложения оснований, по которым он считает возможным достигнуть через Атлантический океан новых стран, и начертить свой предполагаемый морской путь. Когда Колумб представил обстоятельную записку, португальское правительство воспользовалось заключавшимися в ней данными и снарядило втайне от Колумба корабль, который и был отправлен по указанному пути. Однако встреченные им здесь бури так напугали экипаж, что корабль скоро вернулся назад.

Колумб был глубоко огорчен, узнав о таком коварстве португальского правительства. В это же время умерла его жена. К довершению огорчений, друзья предупредили Колумба, что его жизнь небезопасна в Лиссабоне. Некоторые из придворных внушали королю, что португальцам надо рано или поздно воспользоваться указаниями Колумба, а для того, чтобы их на этом пути не опередила какая-либо другая нация, к которой мог бы обратиться Колумб, то его лучше всего убить. Жуан II не давал своего согласия на это, но он спокойно выслушивал эти гнусные предложения. Колумбу оставалось одно – искать спасения бегством, и он тайно скрылся из Лиссабона со своим восьмилетним сыном. Перед отъездом он отправил своего брата Варфоломея в Англию сделать королю Генриху VII то же предложение, которое он делал Жуану II, а сам поехал в Геную,

чтобы еще раз предложить свой проект родному городу.

Генуэзский сенат снова отклонил предложение Колумба. Тогда он отправился в Савойю, куда несколько лет тому назад переселилась его семья. Мать в это время уже умерла. Отец очень тосковал на чужбине и мечтал о том, чтобы умереть на родине; но у него не было денег на обратный путь. Колумб собрал все свои скромные средства, чтобы дать возможность отцу перебраться в Геную. Здесь он провел несколько месяцев, усиленно работая по своей специальности картографа, – для устройства старика-отца, и только когда увидел, что все нужды последнего обеспечены, отправился в Испанию, где надеялся встретить для своего предложения лучший прием со стороны правительства, нежели тот, который выпадал на его долю в Генуе и Португалии.

Глава III. Колумб в Испании

Палосский монастырь и его настоятель. – Прибытие Колумба к испанскому двору. – Затруднения в получении аудиенции. – Аудиенция, данная Колумбу Фердинандом и Изабеллой. – Колумб защищает свои проекты перед хунтою. – Нерешительность испанского правительства. – Друзья, приобретенные Колумбом, и интриги, направленные против него. – Несогласие правительства на условия Колумба. – Решение Колумба отправиться во Францию. – Изабелла берет дело Колумба под свое покровительство и решается снарядить экспедицию. – Затруднения при составлении экспедиции. – Победа над всеми затруднениями и выход в море.

На некоторое время история теряет след Колумба. Что делал Колумб в Испании в течение нескольких лет, прошедших между последним отъездом его из Генуи и июлем 1485 года, когда история снова открывает его следы, и почему в течение этого времени Колумб не представлял своего проекта испанскому двору, – остается совершенно неизвестным. Правда, в противоположность простоте и доступности португальского двора, двор основателей Испании, Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, соблюдал тот строгий этикет, который впоследствии вошел в поговорку под именем «испанского» и благодаря которому бедному безвестному чужеземцу было крайне трудно, если не совсем невозможно, добиться королевской аудиенции. Как бы то ни было, но в июле 1485 года мы видим Колумба в совершенной нищете, идущего пешком в полумиле от приморского испанского города Палоса мимо глухого монастыря. С ним шел и его сын Диего. Мальчик страшно устал и измучился от голода. Колумб остановился у монастыря и попросил у привратника воды и хлеба для ребенка. Стоявший при этом случайно в воротах настоятель монастыря Хуан Перес де Маршена был поражен благородным видом и величественными манерами путника и пригласил его с ребенком в монастырь отдохнуть и подкрепиться. Здесь Колумб и Хуан Перес скоро разговорились. Оба понравились друг другу, и настоятель уговорил Колумба прожить некоторое время в монастыре. Между собеседниками завязалась тесная дружба, которая очень пригодилась Колумбу, так как Хуан Перес был прежде духовником королевы Изабеллы и мог доставить ему доступ ко двору.

Колумб сообщил новому другу свои проекты и рассказал ему о своих неудачах. Хуан Перес был совершенно увлечен проектами

Колумба и решил содействовать осуществлению его планов, как только сможет. Он дал ему рекомендательное письмо к своему старому другу, важному сановнику Испании, Фердинанду де Талавера, духовнику обоих «королей». Колумб отправился с этим письмом ко двору, оставив своего сына на попечение доброго Хуана Переса.

Настоятель Палосского монастыря, рассчитывая на дружбу Талаверы, забыл, что придворные дружат только с теми, кто силен. Талавера был большой друг Переса, пока последний был исповедником Изабеллы; когда же Перес добровольно удалился в глухой монастырь и уступил свое место Талавере, у последнего исчезли всякие дружеские чувства к своему предшественнику. Поэтому он принял протеже Переса с полным пренебрежением и заставил Колумба многие дни напрасно ожидать в своей приемной, пока наконец удостоился принять его; в коротком разговоре сановник небрежно заявил, что, может быть, когда-нибудь, при случае, он сообщит королеве Изабелле о странном желании Переса представить ей какого-то безвестного чужестранца. Этим и ограничилось покровительство Талаверы протеже доброго Хуана Переса.

Если бы Колумб не был так глубоко предан своей великой идее, достаточно было бы этого оскорбительного приема со стороны Талаверы, тогдашнего единственного «покровителя» его при испанском дворе, чтобы потерять всякую надежду добиться чего-либо при этом дворе, отделенном от простых смертных настоящей китайской стеной этикета. Но Колумб стоял выше человеческих слабостей и решил остаться жить в Кордове, тогдашнем местопребывании испанского двора, чтобы ожидать счастливого случая, который дал бы ему возможность получить аудиенцию у «королей» и изложить им свои великие проекты.

В Кордове Колумб сначала жил своим прежним искусством картографа. Мало-помалу он стал приобретать здесь друзей, которые знакомились с его проектами и приходили от них в восхищение. В числе этих лиц была Беатриса Энрикес, на которой Колумб скоро женился. Жена принесла Колумбу не только любовь, в которой он так нуждался при своих неудачах, но и небольшое состояние, давшее ему возможность независимой жизни. Через год у них родился сын Фернанд.

Отчаявшись получить аудиенцию при посредстве Талаверы, Колумб решил обратиться с письмом непосредственно к королю Фердинанду. Ответа на это письмо не последовало. Тогда совершенно неожиданно на помощь Колумбу пришел новый папский нунций, только что прибывший к испанскому двору, Антонио Геральдини. Что за причина побудила последнего

принять участие в Колумбе и его проектах – неизвестно. Можно, однако, догадываться, что Колумба рекомендовал вниманию Геральдини известный ученый, пользовавшийся тогда большим уважением в Риме, Павел Тосканелли, находившийся в постоянной переписке с Колумбом и разделявший его идею о возможности открытия обширных стран по ту сторону Атлантического океана. Как бы то ни было, но, благодаря стараниям Геральдини, Колумбу была дана аудиенция Фердинандом и Изабеллой.

Фердинанд и Изабелла, наследники двух наиболее сильных христианских государств Пиренейского полуострова – Арагона и Кастилии, – соединились браком исключительно из политических соображений, чтобы образовать силу, которая могла бы положить конец владычеству мавров на полуострове (что и было достигнуто ими). По своим же характерам и склонностям оба «короля» представляли собою полную противоположность. Глубоко религиозная, честная, правдивая, склонная к идеальным увлечениям Изабелла только резче оттеняла сухость, коварство и своекорыстие Фердинанда. Излагать свой проект перед двумя столь несходными личностями было для Колумба нелегкой задачей. Он хорошо понимал, что от аудиенции, которая ему была дана, всецело зависела дальнейшая судьба его проекта; но он также ясно видел, что то, что должно понравиться Изабелле, вызовет только пренебрежение со стороны Фердинанда, и наоборот – та сторона дела – материальные выгоды, – которая заинтересует Фердинанда, может сделать холодною к проекту Изабеллу. Тем не менее Колумб решился быть правдивым, как всегда, и изложить «королям» свой проект в том самом виде, в каком он представлялся ему самому.

Когда он развил свой великий план открытия нового мира, указал на то, что здесь откроется обширное поле для распространения христианства среди народов, еще не знакомых с евангелием, упомянул о громадных предполагаемых богатствах этого нового мира и открылся «королям», что он стремится к этим богатствам единственно для того, чтобы при их помощи завоевать Святую Землю, – Изабелла была совершенно очарована и покорена планами Колумба. Совсем иное впечатление Колумб произвел на Фердинанда. Последнему он показался полусумасшедшим человеком, но вместе с тем в его словах было нечто, что производило сильное впечатление и на Фердинанда: это картинное описание тех неисчислимых богатств, которые, по мнению Колумба, должны были дать новооткрытые страны. Правдоподобность этой картины подтверждалась, с одной стороны, богатством Венеции и Генуи, приобретенным ими в

торговле со странами Востока, а с другой – быстрым процветанием Португалии, возраставшим на глазах Фердинанда благодаря африканским открытиям и торговле с народами западного побережья Африки. Что, если этот полоумный итальянец окажется прав и действительно откроет новый мир с его богатствами? И алчность Фердинанда почти склоняла его к принятию проекта Колумба. Но, с другой стороны, благоразумие Фердинанда, вернее его сухая расчетливость, восставали решительно против этого, казавшегося не только неисполнимым, но прямо безумным, плана. Не зная, на что решиться, Фердинанд отдал предложение Колумба на обсуждение особой «хунты» (собрания), составленной из сведущих людей.

Этими «сведущими» людьми были выбраны исключительно духовные лица, то есть люди, менее всего компетентные в географических вопросах и крайне зараженные старыми предрассудками. Идея Колумба о шарообразности Земли казалась им не только нелепой, но и прямо преступной, как противоречащая будто бы Святому писанию. Перед такими-то людьми Колумб должен был защищать свой проект.

Защиту эту Колумб вел мастерски. Возражения, которые члены хунты противопоставляли его идеям, были нелепы до последней степени. Во-первых, почему Колумб один признает шарообразность Земли, тогда как все видят ее плоскою? Очевидно, это можно объяснить только безумием Колумба. Во-вторых, если страны, о которых говорит Колумб, действительно существуют, то почему же их доселе не открыли? В-третьих, положим, что Земля шарообразна; но если корабль спустится по выпуклости океана к предполагаемым новым странам, то как же он вернется назад, когда ему придется подниматься вверх по шару? В-четвертых, если Земля – шар, то окружность ее должна быть так велика, что кораблю, отправившемуся на открытие новых стран, придется ехать не менее трех лет: каким же образом можно поместить на корабле достаточный запас пресной воды и съестных припасов для такого долгого срока? Наконец, в-пятых, идеи Колумба находятся в положительном противоречии со многими местами Священного писания.

В настоящее время подобные возражения нельзя читать без улыбки; но во времена Колумба с ними приходилось считаться совершенно серьезно. Колумб блистательно опроверг все эти возражения, а когда дошел до вопроса о противоречии его идей Священному писанию, то из защиты перешел в нападение. Благодаря необычайному знакомству со Святым писанием, поразившему всех присутствующих, он имел возможность противопоставить текстам, в которых видели противоречие его

идеям, другие тексты, в которых с равным правом можно было видеть подтверждение этих идей. Спор великого генуэзца с хунтою происходил публично, и масса публики, посещавшая заседания хунты, приветствовала Колумба как победителя. Члены хунты, чувствуя, что почва исчезает у них из-под ног, вместо того, чтобы согласиться с Колумбом, страшно озлились на него. Они надолго затянули спор, а сами между тем стали инсинуировать в том смысле, что Колумб – еретик, так как идет против святых Отцов церкви. Такое обвинение в то время было очень и очень небезопасно, и инквизиция, тогда только что введенная в Испании, уже готовилась подвергнуть испытанию правоверность Колумба. К счастью для последнего, за него вступились папский нунций Геральдини и его брат, а по их просьбе также великий кардинал Испании, архиепископ Толедский, которые к тому же могли сослаться на вполне благочестивую с испанской точки зрения жизнь Колумба, не только строго выполнявшего все церковные обряды, но и добровольно подвергавшего себя разным лишениям, требуемым от самых строгих монашеских орденов, – и противники Колумба должны были оставить его в покое.

Хунта, начавшая свои заседания осенью 1486 года, разошлась весною 1487 года без всякого результата. Председатель хунты, тот самый Талавера, исповедник Фердинанда и Изабеллы, которому рекомендовал Колумба добрый настоятель Палосского монастыря, должен был представить двору письменное заключение хунты относительно проекта Колумба, но он не делал этого, пользуясь тем, что Фердинанд и Изабелла были заняты в то время войною с гренадскими маврами. Только осенью 1491 года заключение хунты было представлено «королям», и оно, конечно, было крайне неблагоприятно для великого генуэзца.

Споры Колумба с хунтой принесли ему пользу в том смысле, что выставили в самом благоприятном виде его благородный характер, его возвышенные стремления, обширный ум и необычайные для того времени разносторонние познания. Все это приобрело сильных и влиятельных друзей, которые впоследствии оказывали ему не раз существенные услуги. Таковы были: Александр Геральдини, брат папского нунция; герцог Медина Сидония; герцог Медина Кинтанила, бывший главным казначеем Кастилии; маркиза Моза, любимица королевы Изабеллы; Хуана де ла Торр, кормилица наследного принца Иоанна, и другие. Но вместе с тем Колумб приобрел и множество врагов, в ряды которых стали все мракобесы того времени, поклонники старины и застоя, вредившие Колумбу как только могли.

В 1487 году Фердинанд и Изабелла осадили Малагу, принадлежавшую тогда маврам. Колумб отправился в лагерь,

чтобы возобновить свое предложение; но военные дела совершенно отстранили все мирные вопросы, и Колумб никак не мог добиться аудиенции. Здесь весною 1488 года он получил письмо от португальского короля Жуана II, усиленно приглашавшего его приехать в Лиссабон для организации экспедиции в Новый Свет на условиях, которые некогда предлагал сам Колумб. Но великий генуэзец, потеряв всякое доверие к португальскому правительству, послал отрицательный ответ.

В 1489 году испанцы осадили мавров в Базе. Колумб принял участие в осаде, сражаясь в рядах испанцев. В это время в испанский лагерь явились два монаха из Иерусалима, посланные владетелем Египта, который извещал через них испанский двор о том, что он перебьет всех христиан в своих владениях, если испанцы не прекратят войны против мавров. Эта угроза и рассказы монахов о бедствиях христиан в Святой Земле произвели сильнейшее впечатление на Колумба, и он стал настаивать перед испанским двором относительно скорейшего решения вопроса о принятии или отклонении его предложения. Ему отвечали, что военные действия против Базы отнимают всякую возможность обсуждать его проект. В следующем году База была взята; но тогда препятствием к обсуждению предложений Колумба явились празднества, устроенные в Кордове по поводу этого события. Еще далее внимание испанского двора было всецело поглощено свадьбою дочери Изабеллы с португальским наследным принцем. Лишь осенью 1491 года Колумб получил аудиенцию у Фердинанда и Изабеллы, но только для того, чтобы узнать, что хунта представила отрицательное заключение относительно его предложения, о чем мы уже упоминали выше.

Колумб был в полном отчаянии и не знал, что делать. Но в это время один из его друзей, Диего Деза, убедил Изабеллу в несостоятельности заключения хунты, и королева велела передать Колумбу, что в настоящее время военные расходы лишают ее возможности начинать какое-нибудь предприятие, но, как только падет Гренада, главный оплот мавров, на его предложение будет обращено самое серьезное внимание. Ввиду такого заявления королевы Колумб решился снарядить экспедицию для задуманного им путешествия при помощи своих друзей из испанских грандов, с тем, чтобы эта экспедиция считалась принадлежащей правительству. Герцоги Медина Сидония и Кинтанилла имели собственные порты и эскадры. К ним и обратился Колумб. Герцог Кинтанилла изъявил полное согласие содействовать Колумбу и приказал снарядить несколько

кораблей для экспедиции. Но когда уже все было готово, вмешалось испанское правительство, заявившее, что оно намерено само снарядить экспедицию для открытия Нового Света; корабли были куплены для нужд государства, а Колумбу снова объявлено, что займутся его делом по окончании войны с маврами.

Но когда, наконец, кончится эта война? Колумб и без того ждал слишком долго. Ему в это время было уже 56 лет, и он начинал опасаться, что не дождется осуществления своих замыслов. Между тем молва о его проектах распространилась по всей Европе, и он получил письма от французского и английского королей, приглашавших его прибыть для переговоров. Колумб решил покинуть Испанию и отправиться во Францию, а в случае неудачи и здесь – в Англию. С Испанией перестал связывать его и брак с испанкой, так как вторая жена его также умерла.

Колумб отправился в Палосский монастырь, чтобы взять своего старшего сына Диего. Он нашел его уже юношей, получившим прекрасное образование под руководством доброго настоятеля Хуана Переса. Когда Колумб сообщил последнему о своем решении передать свое дело в руки французского короля, Хуан Перес был очень огорчен мыслью о том, что другая нация, а не испанская, воспользуется славой и выгодами открытия Нового Света. Он упросил Колумба подождать некоторое время, а сам написал Изабелле письмо, в котором умолял ее не пренебрегать предложением Колумба. В ответ на это Изабелла вызвала к себе Переса и после беседы с ним упросила Колумба подождать падения Гренады, которое ожидалось со дня на день.

Наконец Гренада пала. Согласно обещанию Изабеллы она и Фердинанд дали Колумбу аудиенцию и объявили ему, что экспедиция, в принципе, решена и что назначена комиссия для окончательных переговоров с Колумбом. Председателем комиссии был назначен все тот же Талавера, придворный духовник, бывший председатель невежественной хунты, перед которой Колумб должен был защищать свой проект. Это обещало мало успеха делу.

И действительно, когда Колумб изложил перед комиссией свои условия – те самые, которые он некогда представлял королю португальскому, – комиссия решительно отвергла их. По мнению комиссии, уже самое согласие на «нелепую» экспедицию было унизительно и ставило в смешное положение испанское правительство; но соглашаться с притязаниями этого итальянского босяка на громаднейшие неслыханные привилегии и права – значило унизить испанскую корону до невозможности. «Короли» согласились с этим заключением комиссии и

предложили Колумбу новые условия, хотя все еще очень выгодные. Но Колумб не мог согласиться ни на какие другие условия, так как испрашиваемые им права ему нужны были, как мы видели, для осуществления его плана освобождения Святой Земли. Переговоры были прерваны, и Колумб окончательно решился отправиться во Францию.

Когда весть о прекращении переговоров между Колумбом и испанским правительством и о решении Колумба отправиться во Францию распространилась в обществе, высокопоставленные друзья Колумба, Сантангель, Кинтанилла и маркиза Моза, употребили все усилия, чтобы убедить Изабеллу согласиться на условия Колумба. Они говорили ей о славе, которая покроет ее имя, если она устроит экспедицию, о распространении христианства в новооткрытых странах, о величии планов, ради осуществления которых Колумб настаивает на своих правах и привилегиях, наконец, о неисчислимых выгодах, ожидающих их отечество после осуществления предприятия Колумба. Изабелла прониклась представленными ей доводами и объявила, что она снарядит экспедицию на средства своего Кастильского королевства. За Колумбом был послан офицер, который догнал его уже по дороге во Францию и вернул ко двору.

Решившись взять дело Колумба в свои руки, Изабелла с этого времени оказывала Колумбу постоянное покровительство. Фердинанд, напротив, был очень недоволен оборотом дела и относился к Колумбу крайне холодно. Тем не менее, 17 апреля 1492 года между «королями» и Колумбом была заключена конвенция, предоставлявшая Колумбу все те звания, привилегии и права в Новом Свете, которых он требовал.

Началось снаряжение экспедиции. Для вооружения кораблей, снабжения их в достаточном количестве припасами и на жалованье экипажу Изабелла отпустила достаточные средства из казначейства Кастилии. Что же касается самих кораблей, то поставить их было возложено в обязанность городу Палосу, который был присужден к этой контрибуции за какие-то беспорядки. Это обстоятельство поставило новые затруднения для снаряжения экспедиции, так как палоссцы или уклонялись от поставки кораблей, или предлагали корабли, совершенно непригодные для дальней экспедиции. К тому же и охотников служить на кораблях, отправлявшихся в страшные неизведанные пространства океана, не находилось. Только благодаря влиянию настоятеля Палосского монастыря Хуана Переса, пользовавшегося громадным уважением в Палосе, нашлись смелые мореплаватели, которые решились вверить Колумбу свой корабль и даже принять личное участие в экспедиции. Это были три брата Пинсона, самые

энергичные и смелые из палосских корабельщиков. Они снарядили корабль «Ниньа», управление которым взял на себя один из Пинсонов, Винсент Венес. Когда Пинсоны объявили себя на стороне отважного предприятия, тотчас явились желающие принять участие в экспедиции. Вместе с тем город Палос снарядил судно «Санта-Мария», а агенты Изабеллы приобрели и снарядили третье судно – «Пинта». Последним судном командовал другой из братьев Пинсонов, Мартин Алонсо, помощником которого был третий брат, Франсуа Мартин. Командование «Санта-Марией» Колумб оставил за собой, взяв в помощники племянника своей второй жены, Диего де Арана. В сущности, все три судна, составлявшие экспедицию, представляли собою ничтожные суденышки. Самое большое из них, «Санта-Мария», имело всего шестьдесят шесть человек экипажа, на «Пинте» было лишь тридцать человек, а на «Ниньe» – только двадцать четыре. С этими-то суденышками и ста двадцатью членами их экипажей Колумб отправлялся открывать и покорять неведомый Новый Свет, для чего ему нужно было переплыть океан, который еще не преодолело ни одно судно.

3 августа 1492 года, наконец, снаряженная экспедиция выступила из Палоса. Прошло ровно шестнадцать лет с тех пор, как Колумб сделал первую попытку к осуществлению своей великой мечты, обратившись с предложением к генуэзскому сенату. Целых шестнадцать лет понадобилось Колумбу для того, чтобы добиться только возможности снаряжения жалкой экспедиции. Едва ли у кого-нибудь другого хватило бы терпения, чтобы бороться так долго с мелочными и нелепыми препятствиями, которые возникали на его пути, столько веры в свое дело, чтобы не падать духом в течение этого долгого времени; столько энергии, чтобы преодолеть все препятствия, и столько мужества, чтобы идти на опасное дело с теми ничтожными средствами, которые были предоставлены в его распоряжение.

А между тем все доселе встреченные Колумбом препятствия и преграды были только преддверием к настоящим бедствиям, ожидавшим его на дороге к открытию Нового Света и которые Колумб одолел только благодаря своей колоссальной энергии и непоколебимой вере в свое дело.

Глава IV. Открытие Нового Света

Первые неудачи. – Прощание с последним известным пунктом и вступление в неведомое море. – Малодушие спутников Колумба. – Ропот. – Признаки близости земли и разочарование. – Бунт. – Критическое положение Колумба и победа его энергии. – Земля.

Уже на четвертый день по выходе из Палосской гавани маленькую эскадру Колумба постигло несчастье. «Пинта» потеряла свой руль, разбившийся на мелкие куски. Оказалось, что руль нарочно был сделан никуда не годным, чтобы заставить Колумба вернуться назад. Однако Колумба менее всего могли остановить подобные препятствия. Кое-как сделали некоторое подобие руля и продолжали путь с тем, чтобы устроить настоящий руль для «Пинты» на Канарских островах, где эскадра должна была пристать. На другой день новое несчастие: «Пинта» дала течь. Кое-как, однако, добрались до Канарских островов. Колумб рассчитывал променять здесь «Пинту» на какое-либо более прочное судно, но усилия его были напрасны: никто не хотел брать это ненадежное суденышко, и он вынужден был отправиться с ним в неизведанную даль океана.

Эти несчастия с «Пинтой» были приняты экипажем эскадры Колумба как самые недобрые предзнаменования для начатого путешествия. Во время пребывания экспедиции на Канарских островах пробудился Тенерифский вулкан, и это величественное зрелище произвело сильное впечатление на суеверных спутников Колумба; извержение было принято ими как печальное предзнаменование, предостерегающее от дерзкой попытки проникнуть в глубь океана, дотоле остававшуюся совершенно неизвестной. К довершению беды, король португальский Жуан II, рассерженный отказом Колумба передать свое дело в руки португальцев, послал в погоню за его эскадрой три военных судна, которые подстерегали экспедицию возле самого западного из Канарских островов. К счастью, сильный ветер дал возможность Колумбу избежать погони, и он считал себя крайне счастливым, когда скрылся из виду последний из Канарских островов. Совсем иное впечатление произвело это обстоятельство на спутников Колумба: они были страшно опечалены и пришли в ужас. Что ожидает их? Где гарантия того, что они завтра же не погибнут в этом неизведанном и бесконечном водном пространстве? Увидят ли они снова своих близких, друзей, родные места? И ради чего они рискуют всем? Ради фантазии нищего-итальянца, который околдовал неведомыми чарами

испанскую королеву и получил этим путем возможность рисковать жизнью стольких благородных испанцев?

Малодушие спутников и их враждебное настроение по отношению к Колумбу предвещали мало успеха экспедиции. Дурное настроение экипажа увеличивалось с каждой милей, которую они делали на запад, так как каждая миля увеличивала расстояние, отделяющее эскадру от известных мест, и уменьшала в глазах экипажа шансы на возвращение назад. К тому же море не раз давало нашим путешественникам доказательства опасности путешествия по океану, особенно на таких скорлупах, в которых они плыли. Вскоре после того, как скрылся из виду последний из Канарских островов, эскадра встретила остатки разбитого судна, носимые волнами. Эта встреча, по мнению экипажа, говорила каждому очень ясно: «поворачивай назад!», и нужно было быть безумцем или еретиком, чтобы не послушать этого предостерегающего голоса. Вскоре было обнаружено еще одно явление, прибавившее к страхам, охватившим спутников Колумба, еще новый: стрелка компаса вдруг начала сильно отклоняться к западу. Здесь в первый раз было замечено отклонение магнитной стрелки, дотоле совершенно неизвестное. Сам Колумб не знал, чем объяснить это явление, а на спутников его оно навело ужас.

Однако путешествие шло самым счастливым образом, и ничто не оправдывало опасений спутников Колумба. Это был период пассатных ветров, которые были попутными эскадре, и гнали ее в нужном, западном направлении. Бурь не было, ветры дули умеренные. Воздух был чистый, небо ясное. Днем не замечалось ни облачка; вечером и утром легкие облака показывались на горизонте и окрашивались в пурпурный цвет. Ночью наступала полная тишина в атмосфере и в море, как бы для того, чтобы дать путникам покой. Такая совершенная противоположность тем ужасам, которых ожидали спутники Колумба в океане, должна бы успокоить их; но их смущало то обстоятельство, что они с каждым днем все более и более удаляются от родины. Страх их сделался совершенно болезненным, и они были недовольны решительно всем: если дул ветер, они боялись, что он унесет их слишком далеко от известных мест; если начинался штиль, они опасались, что им нельзя будет вернуться назад.

Время от времени замечались признаки, свидетельствовавшие о том, что в направлении, которого держалась эскадра, действительно есть земля, и это несколько поддерживало дух экипажа, хотя следовавшее затем разочарование делало людей еще более малодушными. Уже через

восемь дней по оставлении последнего острова из группы Канарских экипаж увидел двух птиц, которые, по сведениям моряков, не встречаются вдали от берега. В этой встрече увидели указание на близость земли, что ободрило всех. Однако на другой же день страшное электрическое явление, довольно обычное под этими широтами и состоявшее в падении с неба огненного шара, снова привело в ужас людей, не имевших до той поры никакого понятия о подобных метеорах. Еще через день по морю плыла масса травы, настолько зеленой, что казалось, будто она сорвана весьма недавно. Экипаж снова обрадовался, видя в указанном обстоятельстве несомненное доказательство близости земли. Но когда то же явление повторилось и в последующие дни, а земля не показывалась, путники снова впали в мрачное отчаяние, видя в этом явлении свидетельство обманчивости таинственного моря, в которое они вступили и которое дразнит их ложными признаками близости земли. Однако признаков этих *с* каждым днем было все более и более, и они невольно привлекали к себе внимание людей, отвлекая их от мрачных мыслей. Трава попадалась все в большем количестве и разнообразных видов; морская вода казалась менее соленою, нежели на Канарских островах; снова появились птицы, считаемые прибрежными. Все внимательно всматривались вдаль, в надежде увидеть землю и получить солидную денежную награду, назначенную Изабеллой тому, кто первым увидит землю Нового Света. Однажды общая уверенность в близости земли была так велика, что ее все ожидали увидеть на следующее утро; и действительно, утром на горизонте показалась земля, которая, однако, с восходом солнца исчезла бесследно: казалось, что это было только облако.

Через две недели по оставлении эскадрой Канарских островов наступил полный штиль. Эскадра в это время попала в средину особого рода плавающих лугов. Это были водоросли, покрывающие в известном месте Атлантического океана поверхность моря на огромном пространстве. Явление это ранее совсем не было известно, и экипаж экспедиции стал бояться, что ему не выбраться из этого моря зелени, тем более, что царило полное безветрие. Недовольство с каждой минутой увеличивалось. «Довольно с нас, – говорили моряки, – и того, что мы зашли так далеко на запад, как не заходил еще никто из мореплавателей, и поставили себя вне возможности всякой помощи в случае несчастья. Зачем нам идти далее – на верную смерть?» Однако пока недовольство не выражалось открытым неповиновением. Причиной тому было то невольное уважение, которое экипаж чувствовал к Колумбу. Он не был суровым начальником, поддерживающим дисциплину недоступностью

своей личности и строгими наказаниями. Напротив, он был добрым, ласковым товарищем, охотно вступавшим в общение с матросами, выяснявшим их недоумения и старавшимся разогнать их страхи и опасения. Страха к своему начальнику экипаж экспедиции не чувствовал ни малейшего; но зато сознание величия начатого им дела и уверенность в своем предназначении для совершения этого дела ставили Колумба так высоко над толпою, что это невольно чувствовалось всеми и весь экипаж проникался благоговейным уважением к столь глубоко верующему в свое дело и в себя человеку.

Тем не менее, опасения и недовольство продолжали увеличиваться. Зеленые луга водорослей, по которым суда едва могли двигаться, и полное безветрие породили среди экипажа идею о том, что экспедиция пришла к концу света, на границу, отделяющую землю от небесных пространств; дальше, очевидно, некуда идти и надо поворачивать назад. Чего же медлит этот генуэзец? Но в то время, когда недовольство было уже близко к открытому взрыву, поднялся сильный ветер и вынес эскадру в чистое от водорослей море. Одно из созданий воображения напуганных людей, таким образом, исчезло само собой.

Через три недели по выступлении из Канарского архипелага с «Пинты» раздался радостный крик Алонсо Пинсона: «Земля! земля!» И действительно, к югу от эскадры увидели узкую длинную полоску земли. Страстная радость охватила всех. Немедленно же направили суда к югу и шли по этому направлению до утра следующего дня; но с наступлением дня земля исчезла: это было опять только облако.

Мрачное отчаяние овладело экспедицией. Озлобление матросов дошло до крайней степени. Авторитет Колумба пал; авторитет испанских короля и королевы, на которых ссылался Колумб, желая успокоить экипаж, потерял в глазах последнего всякое значение. Матросы между собой называли Колумба не иначе, как чужеземцем, чужеземцем-предателем. Они обвиняли его в том, что он рискует их жизнью и средствами королевы для того, чтобы из нищего сделаться богачом, из ничтожества – важным господином. «И ради капризов такого-то авантюриста должны погибать сто двадцать человек – благородных кастильцев и добрых христиан? Что это за человек? У него каменное сердце. Он слышит их жалобы, видит их отчаяние – и ничего не хочет знать. Ни резоны, ни просьбы, ни слезы – ничто его не трогает. Не должен ли экипаж ввиду этого позаботиться сам о себе? Необходимо потребовать возврата в Европу, а если Колумб откажет, они сделают это сами, а его закуют в цепи. Никто не поставит им в вину такого поступка с безумным человеком, раз

этого требует общее спасение». Мало-помалу такие разговоры сделались всеобщими, и против Колумба рос страшный заговор. Заговор этот окреп, когда один из офицеров объявил матросам, что они прошли на запад от Канарских островов уже пятьсот восемьдесят лье (2400 верст). Это заявление привело окончательно в ужас экипаж. К заговору пристали все офицеры, не исключая и командиров судов. Колумб остался один против всех. Однако то невольное уважение, которое он внушал всем, не позволяло начать насильственных действий против него. Решились только на среднюю меру. 6 октября, то есть ровно месяц спустя по отплытии от Канарских островов, Алонсо Пинсон заявил Колумбу, что отправит свое судно «Пинту» вместо запада на юг, так как уверен, что в этом направлении скорее встретится земля. На самом деле он собирался, пройдя некоторое время к югу, повернуть к востоку – в Европу. Колумб отказал в позволении изменить направление и потребовал, чтобы капитаны двух судов переходили каждую ночь на борт адмиральского судна. Вслед за этим 10 октября экипаж всех трех судов поднял открытый бунт против своего адмирала. Все три судна сцепились и почти все люди собрались на адмиральский корабль «Санта-Мария». Бунтовщики были вооружены. К ним пристали буквально все, не исключая и племянника жены Колумба, бывшего фактическим командиром «Санта-Марии». Колумб, безоружный, стоял один против всей этой возбужденной толпы, потрясавшей оружием и угрожавшей ему насилием и смертью, если он не согласится повернуть назад. Это была ужасная и величественная сцена. С одной стороны стояла физическая сила, обезумевшая от страха и освободившаяся от всякого уважения к сдерживающему ее авторитету, а с другой – только нравственная сила одного человека, сила мужества и веры в свое дело и в себя. И нравственная сила победила. Колумб категорически заявил, что он не переменит направления эскадры и потребовал безусловного повиновения со стороны взбунтовавшихся. Энергия и присутствие духа у Колумба спасли все. Продолжительное напряженное состояние обессилило бунтовщиков, и они уступили настойчивости великого человека. Все разошлись по своим местам, и плавание продолжалось в прежнем направлении.

К счастью, вслед за этой вспышкой в эскадре Колумба признаки близости земли сделались до такой степени многочисленны и очевидны, что они поглотили все внимание экипажа и снова возбудили надежду на окончание путешествия. Мимо судов проплыло несколько стволов деревьев, покрытых еще зелеными листьями; были пойманы ветка дерева в цвету и палка с вырезными украшениями; среди плывшей травы матросы

заметили растения, которые растут в расселинах прибрежных скал, и так далее. Не оставалось малейшего сомнения, что земля вблизи. Когда 11 октября настала ночь, никто на судах не хотел спать; каждый решился ждать утра, чтобы первому увидеть землю и получить обещанную награду. И вот в полночь, когда все бодрствовали, Колумб первый увидел на горизонте светящуюся точку. Не было сомнения, что это был огонь. Огонь был виден около часа и затем исчез. Теперь уже не было ни малейшего сомнения в том, что утром все увидят землю. И действительно, в два часа утра матрос с «Пинты» закричал: «Земля!» Тотчас же раздался выстрел пушки, весь экипаж эскадры пал на колена, а Колумб, обессилевший от радости, опустился на палубу.

Глава V. В Новом Свете

Сан-Сальвадор. – Туземцы. – Таинственный Сипанго и дальнейшие открытия. – Бегство Алонсо Пинсона на «Пинте». – Гибель «Санта-Марии». – Основание крепости и колонии на Гаити. – Отъезд в Европу. – Бедствия обратного пути. – Прибытие в Палос.

Итак, Новый Свет не был химерою, созданием пылкой фантазии Колумба. Он был открыт. Правда, то, что было открыто в данный момент, было не больше как один из небольших Лукайских (или Багамских) островов, названный Колумбом Сан-Сальвадор. Но Колумб не сомневался, что этот остров представляет собой только начало Нового Света и что вблизи должен быть континент, как это и оказалось потом. Таким образом, убеждение Колумба в том, что за Атлантическим океаном должна лежать земля, оказалось справедливым, и можно только удивляться ничтожности тех данных, на основании которых у Колумба сложилось его великое убеждение. Однако великий мореплаватель оставался в прежнем заблуждении, считая открытый им мир не более как восточной стороной Азиатского материка. Отсюда те имена Индии и индейцев, которые были даны Новому Свету и его обитателям.

Утром 12 октября 1492 года эскадра бросила якоря возле берега, замеченного предыдущей ночью. Легко было видеть, что это небольшой остров; но природа его была до такой степени нова для европейцев и до такой степени богата, что этот маленький островок произвел на путешественников величайшее впечатление. Но всего удивительнее казались туземцы, голые и с крайне странными украшениями на головах, которые были привлечены на берег во множестве видом дотоле неизвестных им кораблей.

Колумб и его спутники сели на лодки и двинулись к берегу. Тотчас же все стоявшие на берегу туземцы, пораженные видом белых одетых и вооруженных людей, скрылись в леса, занимавшие внутреннюю часть острова. Колумб первый вступил на землю Нового Света; за ним вышли остальные. Преклонившись, все произнесли благодарственную молитву, после которой виновник знаменитой экспедиции, с обнаженной шпагой в одной руке и знаменем в другой, объявил, что он присоединяет вновь открытую землю к владениям Кастильской короны. Вслед за тем спутники Колумба признали его вице-королем, генерал-губернатором Нового Света и Великим адмиралом океана, – словом, во всех тех званиях, которые, по

условию с испанской короной, Колумб должен был получить при открытии Нового Света. В глазах спутников Колумб теперь уже не был чужеземцем и авантюристом; теперь он был великим человеком и заместителем королевской власти. Они смотрели на него с благоговением, умоляли его забыть их вину против него, целовали ему руки и край его платья и восторженно клялись безусловно повиноваться ему.

Разбежавшиеся туземцы, приглядевшись из лесу к странным пришельцам, мало-помалу стали показываться и приближаться к испанцам. Видя, что последние не делают им никакого вреда, они настолько осмелели, что стали ощупывать белых людей, трогать и рассматривать их одежду, вооружение, их бороды и так далее. Бедные, наивные создания и не подозревали тех бедствий, которые затем принесло им появление этих странных чужеземцев.

Скоро между туземцами и испанцами завязались самые дружеские отношения. Туземцы приносили испанцам съестные припасы, а взамен получали разные блестящие безделушки – бусы, мишуру, колокольчики и тому подобное, и высоко ценили эти грошовые подарки. У некоторых из голых туземцев в головных украшениях блестели кусочки золота и жемчужины. Заметив, что испанцы особенно внимательно присматриваются к этим украшениям, туземцы охотно отдавали их в обмен на какие-нибудь побрякушки, не только не придавая никакой цены золоту, но еще удивляясь тому, что испанцы так дорожат им. Это дало испанцам самое преувеличенное понятие о богатстве Нового Света золотом и распалило их жадность. Когда они настолько освоились с туземцами, что могли объясняться с ними – частью словами, частью знаками, то узнали, что золото получается туземцами с большого острова, лежащего на юге, где оно находится в изобилии. Колумб тотчас же подумал, что это таинственный Сипанго, богатства которого так ярко описал в своем путешествии Марко Поло. Вместе с тем туземцы объясняли, что с юга же иногда приходят страшные враги, уводящие от них множество пленных и поедающие их. Это также напоминало рассказы Марко Поло о нравах обитателей крайнего востока Азии и еще более укрепило Колумба в мысли, что он попал в богатые страны Азии, описанные знаменитым путешественником.

Колумб решил идти к югу, чтобы отыскать ту богатую золотом и другими драгоценностями страну, о которой говорили туземцы. Он взял в качестве проводников и переводчиков семерых туземцев, которые охотно отправились с чужеземцами, представлявшимися им настоящими сынами неба. Их необычный для туземцев внешний вид, их громадные, по понятиям туземцев, корабли, наконец их огнестрельное оружие, наводившее на

туземцев ужас, – все это внушало глубокое почтение к пришельцам и заставляло воздавать им чуть не божеские почести.

Удалившись от Сан-Сальвадора, Колумб заметил на горизонте множество мелких островов. Туземцы-проводники насчитали их до сотни и дали понять, что их намного больше. Это еще более укрепило Колумба в мысли, что он попал в Азию, так как Марко Поло помещал на востоке от Азии обширнейший архипелаг. К некоторым из этих островов Колумб приставал. Везде туземцы принимали пришельцев самым радушным образом и всюду на расспросы о стране, богатой золотом, они указывали на юг, называя эту страну сперва Саомето, а затем Куба.

Следуя указаниям туземцев, Колумб добрался до крупнейшего из Антильских островов – Кубы. Население острова при виде чудных судов и белых людей разбежалось. Посетив оставленные населением прибрежные деревни, Колумб увидел, что жители Кубы несравненно цивилизованнее обитателей островов, которые он посетил ранее. Хижины были устроены с известным вкусом; в домах имелась мебель, иногда с украшениями; кое-где находили оставленные жителями одеяния, так что, очевидно, жители Кубы не ходили, подобно другим туземцам, голыми. Индейцы-проводники говорили, что внутри острова есть огромный и богатый город, которым владеет царь, имеющий богатейшие рудники золота. Колумб решил послать к этому царю нескольких испанцев с индейцами, чтобы убедиться, насколько справедливы рассказы туземцев. Но когда испанцы вернулись, то оказалось, что предполагаемый огромный город представлялся таковым лишь в глазах туземцев, а в действительности это была просто большая деревня, такая же бедная и жалкая, как и другие. Единственная любопытная новость, которую принесли испанцы из глубины острова, состояла в обычае туземцев курить листья табака, с которым европейцы тогда впервые познакомились. Что касается страны, богатой золотом, то и туземцы Кубы помещали ее на юг от своего острова, называя ее Бабек, Богио и Каритаба.

Колумб решился продолжать поиски этой таинственной страны. Он побывал еще на нескольких маленьких островках и скоро приблизился к большому острову, признанному туземцами за Бабек. Однако встречные ветры не дали ему приблизиться к острову, и он вынужден был повернуть назад к Кубе. Но когда эскадра приблизилась к последнему, «Пинта», которою командовал Алонсо Пинсон, неожиданно повернула назад и скоро скрылась из виду. Колумб был поражен таким поступком Пинсона, и, только когда «Пинта» совсем скрылась, он понял, что Пинсон бежал с умыслом. Действительно, Алонсо Пинсон давно

завидовал Колумбу, находя, что он сам мог бы носить титул вице-короля Нового Света ничуть не хуже этого нищего иноземца. Он решил сам попытаться найти таинственный Бабек, столь богатый золотом, а в случае неудачи поспешить явиться первым в Испанию и выдать себя за открывшего Новый Свет.

Колумб был глубоко огорчен поступком Алонсо Пинсона, от которого никак не ожидал такого коварства; но факт свершился, и с ним нужно было считаться. Приставши снова к Кубе, он объехал ее берега и при этом убедился, что остров представляет одну из богатейших стран мира – не золотом, не драгоценными камнями, но могучею, богатою и разнообразной растительностью, дающей целый ряд в высшей степени ценных продуктов. Когда Колумб достиг крайней точки на юго-восточной стороне Кубы, он заметил на горизонте высокие горы. Туземцы сообщили ему, что это большой остров, называвшийся на их языке Гаити. Колумб немедленно же отправился на этот остров и пристал к нему 6 декабря. Он назвал остров Эспаньолой; но это название за ним не закрепилось, и остров теперь называется Гаити. На Гаити было основано первое испанское поселение, и впоследствии этот остров сделался надолго главнейшей испанской колонией, – центром их предприятий в Новом Свете. Такое предпочтение было оказано Гаити потому, что в первое свое пребывание на острове Колумб получил здесь от туземцев множество золота. Гаити в то время, когда этот остров был открыт Колумбом, был разделен на пять отдельных государств. Владетель одного из них, касик, как называли туземцы своих государей, по имени Гваканагари, близко сошелся с Колумбом и делал все, чтобы доставить удовольствие своему новому другу и его подчиненным. Заметив пристрастие их к золоту, Гваканагари собрал столько золота, сколько мог, и презентовал его Колумбу. Он подарил ему множество украшений из золота, золото в кусках, и наконец явившись однажды к Колумбу с несколькими подчиненными ему вождями, поднес ему пять золотых корон. На вопрос Колумба, откуда взято все это золото, Гваканагари объяснил, что оно получено из обширной страны, лежащей к югу от Гаити и которая, судя по его описанию, была не что иное, как континент Южной Америки.

Колумб решился направиться к этой таинственной стране. Но когда он готовился выступить с Гаити, случилось несчастье, прервавшее путешествие и открытия Колумба. Ночью, вследствие небрежности рулевого, заснувшего на своем посту, судно Колумба «Санта-Мария» было выкинуто на прибрежные скалы и разбито. Благодаря деятельной помощи, оказанной Гваканагари и его подчиненными, весь экипаж судна и его груз были спасены; тем

не менее это было ужасное несчастье для Колумба. Потеряв два небольших судна, из которых одно было уведено Алонсо Пинсоном, Колумб остался с самым небольшим суденышком – «Ниньей». Если бы и с этим последним случилось какое-нибудь несчастье, Колумб был бы совершенно отрезан от Европы и лишен всякой возможности известить мир об открытии Нового Света. Поэтому он решил прекратить дальнейшие исследования и поспешить в Испанию.

Но здесь Колумб встретил затруднение, состоявшее в ничтожной вместимости оставшегося целым судна. На него нельзя было поместить и половины всех испанцев. Приходилось часть их оставить в Новом Свете. Но когда Колумб объявил об этом, все пришли в ужас, опасаясь, что они будут навсегда оставлены в Новом Свете, и никто не хотел оставаться. Много труда стоило Колумбу убедить своих спутников в том, что он вернется с новой эскадрой и оставшиеся ни в коем случае не будут покинуты. Наконец нашлось достаточное количество охотников остаться, и экипаж приступил к устройству колонии. Из остатков разбитого судна были выстроены дома, а кругом них – подобие крепости. Колумб оставил колонистам оружие и огнестрельные припасы, а также запасы всякого рода как пищевых продуктов, так и разных товаров для меновой торговли с туземцами. Колумб очень заботился о безопасности оставляемых колонистов, так как опасался, что они не будут жить в мире с туземцами. До сих пор отношения между обеими сторонами были самые дружественные, но это имело место, главным образом, благодаря влиянию Колумба, строго запрещавшего испанцам всякое покушение на имущество туземцев и произвол над ними. Испанцы, в своей жадности желавшие обогатиться за счет туземцев, были очень недовольны таким распоряжением, и их сдерживала только боязнь наказания. Колумб опасался, что с отъездом его оставшиеся испанцы станут позволять себе по отношению к туземцам разного рода насилия. Он убеждал колонистов в собственных интересах относиться к туземцам справедливо и дружески, и те дали ему торжественную клятву в этом. Вместе с тем и касик Гваканагари обещал Колумбу относиться к оставшимся испанцам так же дружески, как он относился к самому Колумбу.

16 января 1493 года Колумб отправился в обратный путь в Европу. На этот раз путешествие прошло далеко не так спокойно, как совершенный путь из Европы в Америку. Это было время господства бурь на Атлантическом океане, и суденышко Колумба много раз находилось на краю гибели. В то время как путь от Канарских островов до острова Сан-Сальвадор был сделан менее

чем за месяц, обратный путь от Гаити до Азорских островов потребовал вдвое большего времени – и все это время путешественники находились между жизнью и смертью. Много раз они считали себя окончательно погибшими. Колумб был в полном отчаянии. Он не столько отчаивался за себя, даже не столько за участь детей, оставленных им в Испании, сколько за участь своего открытия, которое с его гибелью могло остаться неизвестным, и таким образом Новый Свет еще надолго мог остаться недоступным европейцам. По обычаю того времени, экипаж давал целый ряд обетов, которые он должен был совершить в случае своего спасения. Тут были и обещание ценных вкладов в разные храмы, и пилигримство в известные монастыри, и обеты личного поведения – и большая часть этих обетов выпадала по жребию на Колумба. Ничто, однако, не помогало, и буря продолжала носить судно по океану, грозя ежеминутной гибелью. Наконец, когда экипаж потерял все силы и апатично стал ожидать смерти, буря ослабла и на горизонте показалась земля. Это были Азорские острова.

Азорские острова в то время уже принадлежали португальцам. Жители островов были крайне поражены, когда узнали, что судно Колумба пришло из Нового Света, или, как тогда думали, из Индии. Губернатор островов, знавший, с какою ревностью португальское правительство относилось к экспедиции Колумба, решился коварством захватить судно Колумба вместе с бумагами, надеясь угодить тем своему правительству. Когда половина экипажа с «Ниньи» отправилась на берег, чтобы по обету отслужить мессу в первом храме, какой встретится, губернатор арестовал богомольцев, а сам отправился в сопровождении огромной свиты, чтобы сделать визит Колумбу и пригласить его к себе. Колумб, однако, угадал его намерения и не только отказался впустить его на «Нинью», но потребовал освобождения своих матросов. Губернатор, видя, что его замысел не удался, освободил арестованных, извиняясь каким-то недоразумением.

Отплывши от столь негостеприимных берегов Азорских островов, Колумб снова должен был выдержать продолжительную бурю, которая снова загнала его в один из португальских портов, как он ни старался избежать этого. Здесь к нему сначала отнеслись как к пленнику. К счастию, в португальском короле оказалось более благородства, нежели можно было ожидать, судя по прежним его действиям относительно Колумба. Он не послушал своих советников, которые рекомендовали ему захватить Колумба и его бумаги, чтобы самому завладеть вновь открытыми землями. Напротив, Жуан отнесся к великому

мореплавателю с величайшим уважением, пригласил его в свою резиденцию, устроил ему торжественную встречу и, выслушав его рассказ о путешествии, отпустил с почетом. После этого Колумб, исправив повреждения на своем судне, отправился в ту самую испанскую гавань – Палосскую, из которой он выступил в свое путешествие.

Колумб прибыл в Палос 15 марта 1493 года. Хотя эскадра его оставила эту гавань всего семь с половиной месяцев тому назад, но, по тогдашним понятиям, это было столь продолжительное путешествие, что все считали экспедицию погибшей. Как же велика была радость палоссцев, когда они узнали, что все их родные и близкие, составлявшие экипаж эскадры Колумба, целы и невредимы и что, кроме того, они открыли Новый Свет, полный неисчислимых богатств! Встреча, устроенная Палосом Колумбу и его спутникам, была самая торжественная. Колумб сделался героем дня, и собравшийся отовсюду народ приветствовал его как великого человека и благодетеля Испании. Сошедши на берег, он поспешил в Палосский монастырь, чтобы выполнить обеты, данные во время бури, относительно пожертвований и пилигримства.

Вечером того же дня, по странной случайности, в Палосскую гавань вошла и «Пинта». Оказалось, что Алонсо Пинсон прибыл в Европу ранее Колумба, но противные ветры отогнали его к берегам Франции. Когда же наконец он явился в Палос, то увидел «Нинью», на ней адмиральский флаг Колумба. Опасаясь преследования со стороны последнего, Пинсон поспешно высадился на берег и скрылся в глухой деревне. Но Колумб и не подумал преследовать беглеца, а, помня его услуги при снаряжении экспедиции, выпросил ему впоследствии у испанского двора такую же награду, как и остальным двум братьям Пинсонам, принимавшим участие в путешествии.

Глава VI. Второе путешествие

Прием Колумба испанским двором. – Решение устроить новую экспедицию. – Враждебность Фердинанда. – Снаряжение экспедиции и выступление в путь. – Новые открытия в Антилах. – Прибытие к Гаити. – Гибель колонии. – Вражда с туземцами. – Основание города Изабелла. – Исследование внутренних областей Гаити и Кубы. – Война с туземцами. – Внутренние раздоры в колонии и жалобы на Колумба. – Миссия Агуада. – Возвращение Колумба в Европу.

Еще из Португалии Колумб отправил гонца с кратким донесением о своих открытиях Фердинанду и Изабелле. Из Палоса он послал более подробное донесение. Изабелла пришла в восторг, когда узнала об успехе путешествия Колумба. Фердинанд также был доволен открытием и присоединением к испанской короне новых стран, особенно ввиду уверенности Колумба, что открытые им страны суть не что иное, как восточная часть богатого азиатского Востока, что как будто подтверждалось предполагаемым обилием золота в этих странах и пренебрежением, с которым относились к этому металлу туземцы. Но в то же время Фердинанд был крайне недоволен тем, что испанская корона уступила Колумбу такие обширные права в Новом Свете, и в душе решил нарушить заключенное с ним условие. Но так как Колумб был пока нужен для дальнейших открытий и приобретений в Америке, то Фердинанд скрыл свое недовольство и присоединился к Изабелле, желавшей устроить Колумбу такую почетную встречу, какая была бы вполне достойна великого человека, подарившего Испании целый Новый Свет.

И действительно, прием, устроенный Колумбу как двором, так и всею Испанией, представлял нечто выходящее из ряда вон. Еще недавно его третировали как иностранного авантюриста, которого нужно терпеть только потому, что к нему питает слабость королева, а теперь он сделался героем всей страны. Его путешествие от Палоса до Барселоны, где в то время находился двор, было сплошным рядом народных оваций. Со всех сторон сбегался народ, чтобы взглянуть на человека, который предугадал существование Нового Света и сумел найти его, и тысячами восклицаний выражал Колумбу пожелания всевозможных благ. Толпы всадников присоединялись к его свите, превратив его поездку в триумфальное шествие. Из Барселоны ему навстречу вышло буквально все городское население, и Колумб совершил свой въезд в город более торжественно, чем если бы он вступал в него завоевателем. С ним были с десяток привезенных им

индейцев и все его спутники, возвратившиеся в Испанию. Они несли в торжественной процессии удивительные растения Нового Света, продукты, громадные жемчужины, а главное – массу собранного Колумбом золота. Последнее в глазах испанцев служило лучшим доказательством богатства Нового Света и главным поводом для энтузиазма. Процессию заключали толпы народа, сошедшегося сюда со всех концов Испании.

Фердинанд и Изабелла ожидали Колумба на возвышении, устроенном на открытом месте. Когда Колумб приблизился, они встали со своих мест навстречу, дали ему свои руки, не позволили преклонить перед ними колена и, приказав надеть шляпу, посадили его на кресло, приготовленное возле них. Все это до такой степени нарушало испанский этикет, по которому приближающиеся к королю или королеве должны были отдавать им чуть не божеские почести, что эта сцена произвела сильнейшее впечатление на огромную толпу, наблюдавшую ее, и оскорбила придворных и грандов Испании, которые не были в состоянии оценить всего величия дела, совершенного Колумбом, и не понимали, за что ему воздается такая честь.

Усадив Колумба возле себя, Изабелла попросила его рассказать о своем путешествии. Рассказ Колумба длился несколько часов; он был прост, но торжествен и произвел ошеломляющее воздействие на всех слушателей. Колумб в сильных выражениях описал бедствия, которые претерпели путешественники, богатства открытых стран, патриархальную невинность и простоту их обитателей. Затем он перешел к изложению своих планов относительно дальнейших открытий, заселения Нового Совета испанскими колонистами и пользования богатствами открытых стран, и кончил речь выражением своих надежд относительно употребления этих богатств для завоевания Святой Земли. Изабелла была очарована выслушанным отчетом и тотчас решила продолжать предприятие; Фердинанд присоединился к этому решению, но в душе еще более возненавидел Колумба.

Колумб, бывший в это время уже пятидесятивосьмилетним стариком, сильно желал отправиться в Геную, чтобы обнять своего престарелого отца, но заботы о новой экспедиции не позволяли ему сделать это. Он написал отцу о своем путешествии, о занимаемых им теперь важных должностях и просил отпустить к нему третьего брата Якова, чтоб разделить с ним свою судьбу. Старик Колумб, который прожил после этого еще несколько лет, согласился на просьбу сына, и Яков Колумб, переменивший при этом свое имя на Диего, приехал к своему великому брату в Испанию.

Между тем начались приготовления к новому путешествию. Фердинанд образовал особое управление для заведования делами Нового Света. Во главе этого управления был поставлен архидиакон Фонсека, человек хитрый и бесчестный. Он сразу понял, что Фердинанд относится враждебно к Колумбу и что ему будет приятно, если Колумб встретит препятствия для своей деятельности в Новом Свете, так как это в случае надобности позволило бы легче отделаться от него, – и сообразно с таким расчетом Фонсека и принялся действовать.

Изабелла назначила Колумбу значительную сумму для содержания; она дала ему еще несколько важных титулов и прав; его сыновья были сделаны пажами при наследнике престола, а брат Диего получил права его наместника. Фердинанд на все это согласился, но втайне вредил Колумбу чем только мог. Дело дошло до того, что адмиралу отказали в прислуге, которую он хотел взять для себя в экспедицию. Конечно, когда Колумб обратился по этому поводу с жалобой к «королям», его желание было немедленно исполнено с извинением за недоразумение. Корабли для новой экспедиции были взяты старые, припасы – испорченные, экипаж и колонисты – из авантюристов. Колумб, где мог, изменял такое положение вещей к лучшему, но как усмотреть за всем? К тому же, по распоряжению Фердинанда, снаряжением экспедиции заведовал Фонсека, а не Колумб – под тем предлогом, что его важные звания не позволяют ему заниматься черной мелочной работой.

Скоро новая экспедиция была готова. Это уже не была та жалкая эскадра, которая вышла в 1492 году из Палоса для поисков Нового Света. Теперь экспедицию составляли 17 больших кораблей. Колумб желал, чтобы в число колонистов назначались только люди, способные к работе и знающие различные промыслы и ремесла. В действительности же благодаря Фонсеке сюда попал самый отчаянный сброд авантюристов, которые ехали в Новый Свет менее всего для того, чтобы работать и культивировать новооткрытые страны, а единственно в надежде награбить там золота и других драгоценностей. Вместе с тем Колумбу был навязан целый штат чиновников для организации управления новыми странами. Ехали также духовные для обращения индейцев в христианство. По желанию Колумба были взяты для акклиматизации в новых странах европейские домашние животные и семена культурных растений Европы.

25 сентября 1493 года экспедиция выступила из Кадиса. 13 октября она покинула Канарские острова. На этот раз Колумб направил свой путь несколько южнее, нежели в первое путешествие. Это привело к открытию Малых Антил. 3 ноября

был открыт остров Доминик, затем – Мария Таланта, Гваделупа и другие острова этой группы. 22 ноября эскадра прибыла в Гаити и бросила якорь у того места, где была основана колония в предыдущее путешествие. К удивлению Колумба, никто из оставленных здесь испанцев не вышел на берег даже тогда, когда прибытие эскадры было возвещено пушечными выстрелами. Сойдя на берег, Колумб нашел, что устроенные им дома и крепость разрушены, и на месте их везде валялись остатки трупов. Очевидно, между оставленными колонистами и туземцами возникли враждебные действия, приведшие к полной гибели первых. Скоро явился друг Колумба, касик Гваканагари, и объяснил все происшествие. Оставленные колонисты, вопреки данной ими клятве, после отъезда Колумба стали обращаться с туземцами самым варварским образом: отнимали у них жен, грабили все, что считали ценным, заставляли их работать на себя как рабов, наносили им жестокие побои. Вследствие этого среди туземцев вспыхнуло восстание против белых и их союзника Гваканагари. Так как испанцы, надеясь на превосходство своего оружия и считая туземцев трусами, совершенно не остерегались, то они были поголовно перебиты при неожиданном нападении туземцев. Гваканагари также был ранен и многие из подвластных ему деревень были сожжены. Когда Гваканагари кончил это объяснение, прибывшие с Колумбом гражданские и духовные чины отнеслись к нему крайне подозрительно и предлагали арестовать его как участника в убийстве погибших испанцев. Но Колумб, уверенный в благородстве своего туземного друга, отпустил его с почетом. Однако Гваканагари понял, что надеяться на дружбу испанцев ему нельзя, и на другой день со всеми своими подданными бесследно исчез из прибрежной части острова. Таким образом, Колумбу приходилось теперь начинать свою колонизаторскую деятельность не только без дружеского содействия туземцев, но и при прямо враждебном отношении населения острова.

Высадившись на берег, он решился основать первый город в Новом Свете. Когда стали выгружать с кораблей все бывшее на них, обнаружилось все коварство Фонсеки. Многого необходимого совсем не оказалось, а все, что было, было скверно. Врачи напрасно искали лекарств; их не захватили, хотя за них было заплачено из казны. Когда Колумб осматривал в Кадисе лошадей, назначенных для экспедиции, это были великолепные андалузские кони; на корабли же попали жалкие клячи, годные лишь на убой. Припасы наполовину были совсем испорченные, а остальные – самого плохого качества, инструменты – большею частью никуда не годные. И так во всем. Тем не менее Колумб

энергично принялся за основание города, который он назвал Изабеллой в честь испанской королевы. Были выстроены дома, вокруг них разведены сады, на полях посеяны семена европейских хлебов.

Главный труд по устройству города пал на индейцев, так как испанцы работали крайне неохотно, дерзко заявляя, что они прибыли в Новый Свет вовсе не для работ. Колумб старался, чтобы индейцы получали за свой труд вознаграждение, но ему невозможно было за всем усмотреть; к тому же он заболел жестокой лихорадкой и должен был пролежать несколько недель в постели. Пользуясь этим, испанцы силой сгоняли смирных индейцев, как вьючный скот, и заставляли их работать за себя. Все это, конечно, мало могло содействовать образованию хороших отношений между пришельцами и туземцами.

Скоро непривычный климат, неосторожность и невоздержанная жизнь испанцев породили среди них убийственные болезни, положившие начало недовольствам среди колонистов. Они стали роптать, утверждая, что были низко обмануты Колумбом. Авантюристы рассчитывали набрать в Новом Свете без всякого труда массы золота и возвратиться богачами на родину, а тут их заставляют работать, и вместо всех благ они нашли здесь одни ужасные болезни, от которых могут все перемереть. Более нетерпеливые из них стали требовать, чтобы Колумб отправил их обратно на родину.

Колумб с большою радостью готов был отправить назад большую часть своих новых спутников. Но он понимал, что возвращение этих людей, разочаровавшихся в своих надеждах на богатства Нового Света, и их озлобленные речи произведут самое неблагоприятное впечатление в Испании, особенно при дворе, что даст его врагам силу действовать против него. Нужно было противопоставить речам разочарованных авантюристов что-либо существенное, а таковым могло быть только золото, так как истинное богатство Антильских островов – их богатую природу, роскошную флору, ценные продукты растительного мира – испанцы не в состоянии были оценить. Чтобы достать золото, Колумб послал экспедицию для исследования внутренних областей Гаити, так как, по словам туземцев, там должны были быть рудники этого драгоценного металла.

Экспедиция нашла в реках золотой песок, а в горах несколько золотых самородков. Но для получения золота необходимо было организовать правильную разработку золотоносных пород и иметь сведущих в этом деле людей. Колумб решился отправить двенадцать из бывших с ним кораблей, посадив на них желающих вернуться домой и послав с ними образчики найденных

драгоценностей и ценных плодов, производимых Гаити. Однако, когда эскадра приготовилась к отплытию, большая часть желавших возвратиться в свое отечество порешила остаться, все еще надеясь разбогатеть добычею золота. Но, как только эскадра ушла, все стали выражать сожаление, что не уехали, и опасения, что они неизбежно погибнут здесь, в этом ужасном месте, вдали от родины. Была еще возможность вернуться домой, так как у Колумба оставалось еще пять кораблей. Но Колумб, отправив большую часть своей эскадры в Испанию, отнюдь не желал остаться совсем без судов, которые были необходимы для колонии и новых открытий. Тогда среди недовольных образовался заговор с целью овладеть оставшимися кораблями, добраться на них до Испании и сообщить двору, что открытые Колумбом страны – совершенно нищенские, так как в них нельзя подбирать золото с земли и набивать им карманы. К счастью, заговор был раскрыт вовремя и кончился арестом его главарей. Колумб отнесся к заговорщикам мягко. Главу заговора Берналя Диаса де Пиза он поместил на один из кораблей, желая отправить в Испанию на суд, а нескольких других заговорщиков подверг незначительному наказанию сам в силу предоставленной ему власти. Эта мягкость, однако, нисколько не подействовала на недовольных, и они крайне негодовали на то, что «итальянский авантюрист» осмелился наказывать «благородных идальго».

Покончив с заговором, Колумб отправился сам для исследования острова, причем строго наблюдал, чтобы люди отряда, бывшего с ним, не причиняли ни малейшего насилия индейцам. Это послужило причиною того, что индейцы охотно приносили испанцам золото в обмен на разные безделушки и указывали его месторождения. Пользуясь этими указаниями, Колумб положил начало разработке золотоносных пород и основал здесь новую колонию Святого Фомы, которую соединил дорогой с Изабеллой.

Когда, по окончании должных работ, Колумб вернулся в Изабеллу, он нашел здесь самое печальное положение вещей. Множество колонистов лежали больными. Съестные припасы были на исходе, но никто не хотел работать, чтобы добыть новые. Дисциплина совершенно исчезла. Пример неповиновения показывали гражданские и духовные чиновники, особенно наместник папской власти в Новом Свете. Не хватило муки, а работать на ручных мельницах, единственных бывших в распоряжении колонии, никто не хотел. Чтобы спасти колонистов от голода, Колумб стал принуждать их работать на мельницах и в поле; но так как большинство приехавших трутней, несмотря на свое нищенство, называли себя «благородными идальго», то они

считали ручной труд унизительным для себя, хотя труд этот был необходим для спасения их самих от голода. Таким образом, недовольство против Колумба все росло.

При таких условиях производить дальнейшие открытия для Колумба было крайне затруднительно; но он видел в этом свою главную задачу и потому, как только привел несколько в порядок дела на Гаити, тотчас же выступил в море на трех из своих кораблей, передав власть над Гаити административному совету под председательством своего брата Диего. Это путешествие заняло пять месяцев, в течение которых великий мореплаватель обследовал остров Куба и открыл острова Ямайка, Пуэрто-Рико и множество других, более мелких. Исследования Колумба были прекращены странной болезнью, овладевшей им: он потерял способность видеть, чувствовать и двигаться и лежал неподвижным, подобно трупу. В таком виде спутники привезли его на Гаити. Здесь Колумб очнулся, и первое лицо, которое он увидел, было лицо его брата Варфоломея. Тот, отправившись в 1484 году по поручению брата в Англию, был взят в плен морскими пиратами и получил свободу, только отдавши все, что имел с собою и на себе. Высаженный на английском берегу, он вел совершенно нищенскую жизнь и лишь с величайшим трудом мог заработать деньги на переезд в Испанию. Здесь Варфоломей узнал об открытии Нового Света и о том, что его брат отправился снова в открытые им страны. Он обратился через своих племянников к королеве Изабелле с просьбою помочь ему примкнуть к брату, и она сделала его начальником над тремя кораблями, которые в это время отправлялись на Гаити с припасами для колонии.

Радость свидания с братом немедленно же должна была уступить место глубокому горю, когда Колумб узнал, в каком печальном виде находятся дела на Гаити. Лишь только Варфоломей прибыл на остров, начальник военных сил испанцев и папский наместник завладели приведенными им кораблями и уехали в Испанию с частью колонистов. Оставшиеся не хотели повиноваться Диего и чинили самые ужасные насилия над индейцами. Последние восстали против угнетателей, и испанцам грозило поголовное истребление.

В это время к Колумбу явился его старый друг Гваканагари. Он остался верен испанцам, хотя они не заслуживали того, и не только не принимал участия в нападениях на них, но давал еще убежище больным, раненым и преследуемым пришельцам. За это другие касики острова считали его изменником и объявили ему войну, как и испанцам. Несколько членов его семьи были убиты врагами; это озлобило Гваканагари, и он явился к Колумбу, чтобы

предложить ему тесный союз против остальных касиков. Пользуясь услугами Гваканагари, Колумб вступил в переговоры с индейцами, обещая им защиту от насильственных действий испанцев. Этим путем ему удалось убедить одного из касиков стать в нейтральное положение. В то же время начальник военных сил испанцев на острове Ойеда взял в плен самого воинственного из касиков и разбил войско другого касика. Благодаря всему этому, восстание индейцев прекратилось, и Колумб получил возможность обратиться к мирным заботам о преуспевании колонии.

Между тем враги Колумба, папский наместник и бывший начальник военных сил на Гаити, прибыли в Испанию и обратились к двору с жалобами на Колумба, причем позволяли себе всевозможную клевету на его счет. Они обвиняли Колумба в жестоком и несправедливым обращении с испанскими колонистами, в том, что он унижает лучших между ними, чтобы возвысить себя и своих братьев, что он обманывает короля и королеву, выдавая открытые им страны за богатые, тогда как они жалкие и бедные, что даже те немногие богатства, которые можно найти там, он обращает в свою пользу, что он, например, утаил корону из золота, полученную им от одного из касиков, и так далее.

Изабелла отказалась верить всем этим обвинениям, но Фердинанд понимал, что здесь представляется случай отделаться от Колумба, и убедил свою жену в необходимости послать на Гаити особенного комиссара, который проверил бы жалобы, привезенные на Колумба, так как это необходимо в его же интересах, дабы на его имени не оставалось и тени подозрения. Изабелла согласилась на это и тотчас же назначила полномочного комиссара. Это был знатный гранд Агуадо. В официальных инструкциях ему поручалось только проверить жалобы на Колумба, соблюдая по отношению к адмиралу величайшую деликатность; но в тайной аудиенции, данной Агуадо Фердинандом, последний рекомендовал ему менее всего церемониться с Колумбом и, если можно, то возвести на него какое-нибудь обвинение и отнять у него власть.

Агуадо явился на Гаити в сентябре 1495 года с четырьмя кораблями. Колумб в это время находился внутри острова, а в Изабелле оставался его брат Варфоломей. Агуадо отнесся с величайшим презрением к наместнику Колумба и, не обращая никакого внимания на него, стал производить допросы колонистов, относясь сурово к тем, кто не давал нужных ему показаний, причем даже заключал их в тюрьму. Когда Варфоломей потребовал от Агуадо предъявления его полномочий,

он отказался показать ему свои грамоты, но торжественно прочитал их в церкви в присутствии всей колонии. Полномочия эти были составлены в самых неопределенных выражениях и при желании могли быть истолкованы в самом широком смысле. Так как большая часть колонистов была недовольна Колумбом за его заботу об индейцах и запрещение вымогать от них золото, то полномочия Агуадо были приняты в самом распространенном толковании; все стали смотреть на Агуадо как на главного начальника, и ему нетрудно было найти свидетелей против Колумба, возводивших на него самые невероятные обвинения. Когда Колумб возвратился, Агуадо разыгрывал роль диктатора. К Колумбу он отнесся не только без всякой деликатности, но с величайшей наглостью и грубостью. Он надеялся задеть самолюбие Колумба и вызвать с его стороны какое-либо рискованное действие, которое дало бы Агуадо повод принять против него насильственные меры. Но Колумб спокойно перенес все грубые выходки Агуадо, видя в нем представителя короля и королевы.

Окончив свое следствие, Агуадо собрался возвратиться в Европу для представления своего доклада. Колумб понял, что ему необходимо также явиться ко двору, чтобы парализовать возводимые на него обвинения. Но когда Агуадо и Колумб были уже готовы отплыть, страшный ураган разбил все их корабли, за исключением небольшого судна. Пришлось отложить отъезд и заняться постройкой новых кораблей. В это время случилось событие, которое, по тогдашним нравам, дало Колумбу наилучшее средство для защиты от всяких обвинений. Один из испанцев открыл богатое месторождение золота, и Колумб успел добыть его до своего отъезда в весьма значительном количестве. Колумб и Агуадо отплыли на разных кораблях. С ними отправились все больные, пожелавшие вернуться на родину. Плавание было бедственным, бури носили корабли как щепки, скоро оказался недостаток в провизии; больные, переполнявшие корабли, страдали невыразимо. Колумб старался уменьшать страдания спутников как мог. Он возбуждал мужество в упавших духом, ухаживал за больными, заботился о том, чтобы уменьшенные рационы выдавались всем равные, не исключая и его самого. Тут случилось событие, показывающее всю низменность той среды, в которой действовал Колумб, и все величие его духа. Когда недостаток припасов стал грозить голодом, спутники Колумба предложили выбросить в море ехавших с ними индейцев, чтобы не тратить на них припасов; некоторые желали даже убить индейцев и съесть их. Чтобы спасти несчастных, Колумб должен был поставить на карту свою жизнь,

объявив, что его спутники тронут индейцев, только пройдя через его труп.

11 июня 1496 года Колумб вошел в Кадис.

Глава VII. Третье путешествие

Прием двора. – Новая экспедиция. – Открытие континента Южной Америки. – Волнение на Гаити. – Новые жалобы на Колумба и миссия Бобадилъя. – Арест Колумба и отправление его в цепях в Испанию.

Прибыв в Испанию, Колумб известил о том короля и королеву. Однако прошел целый месяц, прежде чем последовал ответ последних. Было ясно, что интриги усиленно действовали против Колумба, и двор обсуждал донесение Агуадо, прежде чем допустил к себе Колумба. Колумб чувствовал себя совершенно неповинным, но он понимал, что Фердинанд только ищет предлога, чтобы отделаться от него. Ему было крайне тяжело, и он подумал даже, не бросить ли все и не поступить ли в монастырь. Однако этот припадок малодушия быстро прошел, и Колумб решился идти до конца по избранной им дороге.

Приглашенный, наконец, ко двору, Колумб был принят с почетом. О жалобах на него и донесении Агуадо не было и речи. Колумб понимал, что Изабелла иначе и не могла относиться к нему; но главною причиною благоволения Фердинанда Колумб вполне основательно считал ту массу золота, которую он привез как достояние испанской короны. Это было ясно из того, что клеветники, самовольно захватившие на Гаити королевские корабли и бежавшие на них в Испанию, равно как и Агуадо, превысивший свои полномочия и грубо оскорблявший Колумба, остались не только безнаказанными, но и в полной милости Фердинанда.

Золото и другие драгоценности, привезенные Колумбом, далеко превзошли стоимость затрат, сделанных испанскою короною на предприятия в Новом Свете, почему Изабелла и Фердинанд решили снарядить для Колумба новую эскадру, с которою он мог бы продолжать свои дальнейшие открытия.

Из-за брака наследника испанского престола с принцессой австрийской снаряжение новой экспедиции замедлилось. В это время Изабелла предложила Колумбу в ленное владение половину острова Гаити с титулом маркиза. Колумб отказался, показав тем, что у него не было ни малейшего стремления к личному обогащению.

Лишь 30 мая 1498 года, то есть через два года по прибытии Колумба в Испанию, новая экспедиция была снаряжена. Фердинанд и покорный исполнитель его желаний Фонсека сделали все, чтобы замедлить это снаряжение и помешать ему. Дело доходило до того, что средства, назначаемые на

экспедицию, несколько раз обращались на другие цели. Ни одна экспедиция в Новый Свет, как из бывших прежде, так и впоследствии, не испытывала недостатка желающих принять в ней участие; напротив, охотников всегда было гораздо более чем можно было взять. Теперь же будто бы не было желающих плыть, и экипаж больше чем наполовину был составлен из каторжников, которые получали освобождение за участие в экспедиции.

Как бы то ни было, а наконец Колумб выступил в море с эскадрою из шести кораблей. На Канарских островах он разделил свою эскадру на две части: три корабля отправил прямо на Гаити, а с тремя другими пошел более южной дорогою, нежели в два предыдущих путешествия.

Когда он приблизился к экватору, страшная жара причинила экспедиции невыразимые страдания. Воздух был чудовищно удушлив, температура невыносимо высока, провизия и пресная вода испортились, безветрие грозило держать корабли в таком мучительном положении до бесконечности. Сам Колумб страдал удушьем и лихорадкой. К счастью, через десять дней подул легкий ветерок, и Колумб, оставив свое намерение идти все к югу, повернул на запад. Скоро начался сильный ветер; он вынес эскадру из области жары. Мало-помалу стали появляться признаки земли, но проходили дни и недели, а земли все не было. Между тем провизия была на исходе, а пресная вода совсем кончалась. Колумб решился наконец повернуть к северу. И вот в тот день, когда была выпита последняя капля воды, показались на горизонте три горные вершины. Это был остров Тринидад, лежащий у северного берега Южной Америки. Исследуя этот остров, чтобы найти удобную бухту, в которую можно было бы войти его кораблям, Колумб заметил на юге от острова огромное пространство суши, куда он и направился.

Так был открыт американский континент. Колумб бросил якоря в самом северном устье великой реки Ориноко, дельта которой занимает пространство около 200 верст ширины.

Великий мореплаватель пробыл возле новооткрытого берега несколько недель. Он обследовал значительное протяжение берега, открыл ряд островов, лежащих у северного берега Южной Америки, нашел здесь богатейшие жемчужные ловли, купил у туземцев много драгоценного жемчуга и наконец открыл океанское течение, после чего решил идти на Гаити, чтоб запастись там всем необходимым и затем продолжать свои открытия.

Однако, когда Колумб прибыл на Гаити, он нашел здесь положение вещей в таком виде, что о новых открытиях нечего было и думать. Уезжая два с половиной года тому назад с Гаити,

великий мореплаватель оставил своим наместником брата Варфоломея, который энергично принялся за благоустройство острова. Он привел отношения туземцев и испанцев в возможно лучший вид и основал в разных частях острова ряд новых колоний. Однако все усилия его разбивались о леность колонистов и недобросовестность управления по делам Нового Света, организованного в Испании. Колонисты так мало прилагали труда к своим полям и садам, что продукты их хозяйства отнюдь не могли прокормить население колоний. Что касается управления по делам Нового Света, то оно, отправляя припасы на Гаити, совсем не принимало мер для сохранения их во время пути, и припасы, после переезда через океан, приходили на место совершенно испорченными и негодными к употреблению. Фонсека, продолжавший стоять во главе управления по делам Нового Света, не стеснялся открыто высказывать, что цель его вызвать голодом восстание на Гаити против Колумба и под предлогом его административной неспособности лишить прав, предоставленных ему по договору с испанской короной.

И эта цель достигалась. Недовольство испанцев на Гаити против Варфоломея, а через него и против Колумба, все усиливалось. Этому способствовало справедливое отношение наместника к туземцам, взятым им под свою защиту и строго оберегаемым от всякого насилия. Во главе недовольных встал Ролдан, главный судья Гаити, человек, которого Колумб вывел в люди из ничтожества и который, по обыкновению, совсем забыл об этом. Пользуясь отсутствием наместника в Изабелле, отправившегося в одну из основанных им второстепенных колоний, Ролдан произвел формальный бунт, захватив со своими сторонниками все съестные и военные припасы, находившиеся в Изабелле, и двинулся внутрь острова, возбуждая индейцев к восстанию против «тиранов-Колумбов». Положение Варфоломея и его сторонников было самое критическое. К счастью, в этот момент прибыли те три корабля, которые Колумб отделил от своей эскадры. Они привезли достаточное количество военных и съестных припасов, и так как об упаковке последних заботился сам Колумб, то все оказалось в целости и неиспорченным. Варфоломей, таким образом, получил возможность держаться против бунтовщиков.

Таково было положение вещей на Гаити, когда сюда прибыл Колумб. Ролдан продолжал стоять со своей партией внутри острова и грозил нападением на Изабеллу. Все культурные работы вокруг города были брошены. Индейцы разбежались из окрестностей, и вся страна вокруг Изабеллы превратилась в

настоящую пустыню. Колумб был вынужден вступить в переговоры с бунтовщиками, а сам послал донесение о положении острова испанскому двору. Целый год прошел в бесполезных переговорах с Ролданом и его сторонниками, а между тем ответ на донесение Колумба не приходил. Наконец был получен ответ, но не непосредственно от короля или королевы, а через Фонсеку, и ответ этот гласил, что испанское правительство обсуждает меры, которые нужно принять ввиду восстания на Гаити. Колумб понял, что Фердинанд решил не церемониться с ним и что дни его как вице-короля сочтены. Вскоре случилось новое событие, еще более огорчившее Колумба. К Гаити явилась эскадра из четырех кораблей под начальством некоего Ойеды и бросила якоря не в гавани Изабеллы, а в одной пустынной бухте. Оказалось, что Фонсека, вопреки правам Колумба, разрешил Ойеде отправиться в Новый Свет, чтобы производить там исследования, а также добычу золота и других драгоценностей, независимо от Колумба. Ойеда, высадившись на берег, стал во главе противников Колумба и начал подбивать их свергнуть его и заключить в тюрьму, говоря, что Изабелла, единственная покровительница Колумба, близка к смерти, а после нее никто не станет заботиться о Колумбе и его правах. Многие согласились с Ойедой, и шайка бунтовщиков направилась против Колумба, который находился в то время без всякой защиты в одном из маленьких испанских поселений. Но в этот момент в мыслях Ролдана, продолжавшего стоять со своими сторонниками внутри острова, произошла перемена. Он пришел к убеждению, что рано или поздно ему придется отвечать за восстание против Колумба и что лучший способ избежать этого – выручить Колумба из того опасного положения, в котором он находился в данный момент. Ролдан перегородил дорогу Ойеде и его шайке, разбил ее и прогнал на корабли, а часть схваченных пленников подверг жестокой казни. Когда Колумб узнал об этом, он поспешил к Ролдану и остановил его кровавую расправу.

Возвращение Ролдана к повиновению и страшный урок, данный им восставшим против Колумба, восстановил на Гаити полное спокойствие. Колумб отправил в Испанию наиболее недовольных, а остальные колонисты, мало-помалу привыкшие к климату острова и оставившие свои мечты о быстром обогащении, деятельно работали над культурою полей и разработкою золотоносных руд. Благодарная природа давала такие громадные урожаи, что остров скоро стал прокармливаться собственными произведениями, не нуждаясь в доставке припасов из Испании, а добыча золота оказалась столь обильною, что испанская корона получала громаднейшие доходы с Гаити.

Несмотря на это, а может быть, именно потому, что Гаити стал давать большой доход, который по договору с Колумбом должен был делиться между испанскою короною и им, Фердинанд решил окончательно лишить Колумба его прав. Но так как Изабелла еще была жива, а Новый Свет был собственностью Кастильской короны, так что главный голос принадлежал Изабелле, – Фердинанд должен был возбудить против Колумба формальное обвинение. В обвинителях недостатка не было, особенно среди тех испанцев, которых Колумб выслал с Гаити как непокорных и непригодных для колонизации. Выдумали самое нелепое обвинение, будто Колумб хотел образовать в Новом Свете независимое государство, для чего и потворствовал индейцам. К этому обвинению присоединили ряд других, менее важных, хотя столь же нелепых, и порешили послать на Гаити для расследования особое лицо с неограниченными полномочиями.

Таким лицом был избран Франциск Бобадилья, близкий друг Фонсеки, столь же враждебно расположенный к Колумбу. В официальной инструкции Бобадилье было сказано, что он должен арестовать всех восставших против Колумба, подвергнуть секвестру их собственность, судить их и подвергнуть наказанию. Но эта инструкция была нужна исключительно для того, чтобы больная Изабелла согласилась на посылку комиссара. В другой инструкции, которую Бобадилья получил от управления по делам Нового Совета и которой одной он должен был руководствоваться, было сказано, что, если Бобадилья найдет Колумба неспособным к управлению новооткрытыми странами, то имеет право лишить его власти и занять его место. Так как по договору, заключенному Колумбом с испанской короной, последняя не имела права сменять его, то Фердинанд и его советники опасались, что Колумб откажется повиноваться этому насильственному акту и, имея в своем распоряжении значительные материальные средства, окажет сопротивление. Ввиду этого Бобадилья получил приказ для передачи подчиненным Колумба, в котором им предписывалось немедленно по прибытии Бобадильи на Гаити передать в его распоряжение все оружие, суда, крепости и магазины с припасами. К довершению всего Бобадилья получил несколько бланков за подписью Фердинанда, содержание которых он мог вписать по своему усмотрению.

В августе 1500 года Бобадилья явился на Гаити. Колумб и Варфоломей были в глубине острова. Изабеллой управлял Диего. Бобадилья потребовал, чтобы последний сдал ему управление и все казенное имущество. Диего отказался исполнить это требование без приказания брата как вице-короля. Тогда

Бобадилья прочитал в церкви данные ему полномочия и, привлекши на свою сторону военных и гражданских чиновников, начал действовать. Он явился в дом Колумба в его отсутствие и захватил, без всякой описи и свидетелей, мебель, оружие, посуду, золото и другие драгоценности, лошадей, естественнонаучные коллекции, книги, географические карты, бумаги, как официальные, так и частные, и так далее. Это был самый бесцеремонный грабеж, вполне бесцельный, совершенный только для того, чтобы оскорбить Колумба. Бобадилья оказался до того бессовестным, что забрал даже одежду и белье Колумба. Почти все награбленное Бобадилья присвоил себе и только немногое отослал в Испанию как секвестрованное в пользу испанской короны. Таков был человек, на полную волю которого был отдан великий Колумб, по договору с испанской короной единственный несменяемый и наследственный правитель Нового Света.

Когда Колумб узнал о действиях Бобадильи, он подумал, что тот обманщик или сумасшедший. Но скоро ему пришлось узнать, что это был истинный уполномоченный испанской короны и что он имел право делать все, даже грабить его. Колумб в это время находился во главе хорошо дисциплинированной и преданной ему армии. Он имел полную возможность воспротивиться Бобадилье и арестовать его самого. Бобадилья очень опасался этого и готов был каждую минуту бежать на корабль и отплыть с Гаити. Но Колумб решил повиноваться распоряжениям испанской короны, как бы ни несправедливы и даже бесчестны они ни были. Такого же повиновения потребовал он и от своих братьев Диего и Варфоломея. Все трое явились в Изабеллу без всякой вооруженной силы, готовые повиноваться распоряжениям Бобадильи. И тогда последний, воспользовавшись выданными ему листами с королевскою подписью, предъявил офицерам гарнизона Изабеллы королевский приказ об аресте и наложении цепей на Колумба и его братьев. Все три брата были арестованы, а Диего и Варфоломея заковали в кандалы; но когда очередь дошла до Колумба, никто не решился нанести ему этого последнего бесчестия, и только после долгих поисков нашелся негодяй, некогда прогнанный Колумбом из числа своих слуг, который решился доставить Бобадилье это гнусное удовольствие.

Бобадилье, однако, было мало арестовать Колумба. Ему хотелось убить его, чтобы быть окончательно уверенным в безнаказанности своих поступков. Открыто он на это не решался, но принял косвенные меры к тому. Он держал Колумба, шестидесятипятилетнего старика, страдающего ревматизмом и удушьем, в самых ужасных условиях под арестом. Его поместили на голой земле, в сыром погребе, одетым в то легкое платье, в

котором он был неожиданно арестован; кормили его так, что он, старый моряк, с детства привыкший к самой неприхотливой пище, теперь страдал от неудовлетворительного питания.

Между тем Бобадилья вел свое следствие. Все те, кого Колумб и его братья наказывали за какой-нибудь недостойный поступок, были выставлены обвинителями великого человека; все бунтовщики оказались героями, восставшими на защиту прав испанской короны против тирании и злоумышлении Колумба. В результате такого следствия возник ряд самых невероятных обвинений.

Когда Бобадилья собрал, по его мнению, достаточно улик против Колумба, он перевел его на корабль и отправил в Испанию. Кораблем командовал Виллейо, протеже Фонсеки, относившийся до сих пор к Колумбу враждебно. Но теперь, когда капитан увидел Колумба в таком унизительном положении – арестантом, закованным в кандалы, и вспомнил великие услуги, оказанные этим великим человеком, он невольно заплакал и стал предлагать Колумбу снять с него цепи. Но Колумб хотел выпить свою чашу до конца и отказался от услуги Виллейо.

Когда великий мореплаватель прибыл в Кадис и здесь увидели его пленником, закованным в цепи, взрыв негодования раздался по всей Испании. Испанские идальго могли смотреть свысока на Колумба как на выскочку, они могли относиться к нему враждебно, но подлый поступок, который позволил себе по отношению к нему Бобадилья, вызвал краску стыда на лицах всех испанцев. Все, не исключая врагов Колумба, требовали восстановления прав и наказания Бобадильи. Изабелла была в отчаянии, когда узнала об ужасном оскорблении, нанесенном Колумбу. Она немедленно приказала освободить его и написала ему письмо, в котором просила простить ей и испанской короне чудовищное насилие, совершенное над ним, обещала ему полную справедливость и просила его прийти к ней. Коварный Фердинанд также подписался под этим письмом.

Колумбу были возвращены его привилегии. Бобадилья был устранен от управления Новым Светом и против него было начато преследование. Но, как мы сейчас увидим, все это было сделано только на бумаге; на деле же Колумб с этого времени был лишен своих высоких званий и всяких прав на Новый Свет.

Глава VIII. Последнее путешествие

Назначение губернатора Гаити, помимо Колумба. – Новое путешествие Колумба в Новый Свет. – Колумба не пускают на Гаити. – Ужасная буря. – Путешествие к Панамскому перешейку. – Попытка основания поселения у Верагуа. – Переезд к Ямайке. – Гибель кораблей. – Бедственное положение Колумба и его спутников на Ямайке. – Диего Мендес отправляется за помощью на Гаити. – Отказ губернатора Гаити в помощи. – Ужасное положение Колумба. – Снаряжение экспедиции на помощь Колумбу и спасение его. – Возвращение в Европу.

Колумб, получив удовлетворение за нанесенное ему оскорбление, намеревался немедленно же отправиться в Новый Свет к исполнению своих обязанностей. Того же мнения была и Изабелла. Но Фердинанд под разными предлогами удерживал Колумба в Испании, а между тем уговорил его согласиться на отправку особого губернатора собственно для Гаити на время пребывания Колумба в Испании. Губернатор этот был назначен помимо Колумба, вопреки его привилегиям, причем выбор пал на друга Фонсеки, Овандо. Для него с чрезвычайной быстротой была снаряжена эскадра в 32 судна и на них отправлено громадное количество семейных колонистов, выбранных с чрезвычайным разбором. Овандо явился в Новый Свет с великолепием, о котором и понятия не имели обитатели Гаити при приездах их прежнего начальника Колумба.

Совсем иначе было дело, когда наконец Колумб решительно потребовал, чтобы ему дали эскадру для возвращения в Новый Свет. Эскадру для него снарядили, но самую жалкую, состоящую всего из четырех небольших судов. Да и эта эскадра была дана ему лишь после того, как он заявил, что едет в Новый Свет не для того, чтобы принять управление над ним, а для дальнейших открытый. К этому времени Колумб уже избавился от своего заблуждения, в силу которого он считал открытые им страны восточным побережьем Азии, и убедился, что между Европою и Азией лежит особый материк. Вместе с тем у него появилось убеждение, что за американским материком расстилается океан, такой же обширный, как и Атлантический. Этот-то океан он и хотел посетить, полагая, что вход в него был там, где в действительности находится Панамский перешеек.

В этом последнем путешествии Колумба сопровождал его брат Варфоломей. Другой брат, Диего, уже умер. Старшего сына Колумб оставил в Испании представителем своих интересов, а

младшего взял с собой. Вместе с тем Колумб принял меры, которые, по его мнению, должны были обеспечить переход принадлежащих ему прав и привилегий к его детям. Он снял публичные копии со своего договора с испанской короной и передал их генуэзскому сенату и папскому престолу. Колумб не предполагал, что Фердинанд, вошедший в историю под именем *Вероломного,* отнимет у его потомства принадлежавшие ему права самым бесцеремонным образом[1].

В последнее свое путешествие Колумб выступил 8 мая 1502 года, уже шестидесятисемилетним стариком. Это было переполненное различными случайностями и самое бедственное из всех путешествий Колумба. Уже в самом начале пути его ожидало приключение рыцарского характера. Колумб узнал, что небольшая португальская крепость Арцилла, находившаяся в пределах нынешнего Марокко, осаждается маврами. Известие это воспламенило Колумба, напомнило горячие схватки с неверными, в которых ему довелось принимать участие в молодости, и он немедленно направил свою эскадру к осажденной крепости, чтобы помочь португальцам. Достаточно было одного появления эскадры Колумба, чтобы мавры тотчас же сняли осаду и удалились от крепости, – и Колумб мог безостановочно продолжать свой путь. Вначале путешествие шло счастливо. В шестнадцать дней эскадра Колумба прошла пространство от Канарских островов до Антильских и явилась у Гаити. Колумб первоначально не хотел приставать к Гаити, но так как один его корабль оказался совсем плохим и негодным для дальнейшего плавания, то он хотел обменять его на один из многих кораблей, находившихся в портах Гаити. К тому же в это время появились признаки приближающейся страшной бури, для спасения от которой необходимо было зайти в какой-либо порт. Но когда эскадра Колумба показалась перед Гаити, губернатор последнего Овандо, бывший, в сущности, подчиненным Колумба, послал сказать ему, что он, Овандо, получил приказ не допускать Колумба на остров и что, если Колумб войдет в какой-либо порт Гаити, он принужден будет выгнать его силой. Это было новое оскорбление, нанесенное Колумбу Фердинандом. Делать было нечего; приходилось уходить. Но перед оставлением берегов Гаити Колумб послал Овандо совет не отправлять кораблей, нагруженных золотом и готовых отплыть в Испанию. Гордый Овандо пренебрег этим советом, и все корабли с золотом были разбиты и потоплены бурею, которая вскоре разразилась; с этими кораблями погибли и враги Колумба – Ролдан и Бобадилья.

На экипаж эскадры Колумба отказ Овандо пустить ее в порты Гаити произвел самое неблагоприятное впечатление. Стало быть,

Колумб – действительно отверженный и враг испанской короны; с какой же стати такое множество честных и благородных испанцев отдано в полное распоряжение и подчинение этому человеку? Если его послали на гибель в океан ввиду предстоящего урагана, то зачем же гибнуть его спутникам? Среди экипажа эскадры готов был вспыхнуть бунт, если бы его не предупредила начавшаяся буря. Эта буря была самая ужасная из всех, которые когда-либо приходилось переносить Колумбу, хотя ему на своем веку довелось испытать многое на море. Однако благодаря разумным распоряжениям Колумба ни один из его кораблей не погиб. Колумб в это время был болен; он приказал привязать свою койку к палубе и оставался здесь во все время бури, отдавая распоряжения. Такое поведение Колумба, его знание моря, предвидение бури, а затем ее окончания – все это внушило одной части экипажа глубокое уважение к знаменитому адмиралу; зато другая часть экипажа стала видеть в нем колдуна и относиться к нему еще подозрительнее.

После многих дней, в течение которых корабли Колумба беспомощно носились по морю, отделяющему Большие Антильские острова от Центральной Америки, наступило затишье. Эскадра в это время находилась возле небольшого островка, лежащего недалеко от мыса Гондурас. Здесь Колумб встретил огромную барку, подобных которой еще не приходилось встречать у индейцев. На барке сидела целая группа туземцев, перебравшихся через море от Панамского перешейка к полуострову Юкатан с различными товарами и одетых в хлопчатобумажные ткани. Это были первые встреченные европейцами представители той расы, которая уже в Центральной Америке была несравненно культурнее, нежели дикари Антильских островов, а далее к северу и югу создала столь оригинальные и высокие цивилизации мексиканских касиков и перуанских инков.

Пользуясь указаниями встреченных туземцев, Колумб скоро пристал к материку Америки у мыса Гондурас. Отсюда он решил плыть все к югу, не покидая из виду берега, в надежде открыть проход из Атлантического в Великий океан, существование которого Колумб так гениально предугадал. Однако, как мы знаем, такого прохода здесь нет, и Колумб напрасно тратил время и силы. Это было время сильных бурь, и Колумбу стоило больших усилий держаться берега, так как бури относили суда далеко в море. Немедленно по открытии мыса Гондураса поднялась такая сильная буря, что весь экипаж кораблей считал себя погибшим, и люди исповедовались друг другу, готовясь к неминуемой смерти. К бурям присоединились другие несчастья. Так, однажды шлюпка,

переполненная людьми, направилась в устье одной реки, но встретила здесь неожиданно такое сильное и стремительное течение, что перевернулась, и все бывшие в ней люди потонули. Все это привело экипаж в мрачное настроение, и матросы начали уже говорить о необходимости прекратить поездку, чтобы не погибнуть всем. Но скоро экспедиция подошла к берегу Коста-Рики (богатый берег), получившей такое название вследствие чрезвычайного обилия всего, чего желали испанцы, и настроение спутников Колумба радикально изменилось. Здесь они наменяли на разные безделки множество золота и просили Колумба остаться на берегу подольше, чтобы продолжать свой выгодный торг. Однако Колумб скоро отправился дальше, продолжая питать надежду на открытие прохода в Великий океан.

Эскадра направлялась все на юг и часто приставала к берегу, будучи вынуждена к тому бурями. Везде во время этих остановок испанцы выманивали у туземцев много золота. Жадность их разгоралась все более и более. В то время как Колумб обращался с туземцами кротко и справедливо и того же требовал от своих подчиненных, последние горели жаждою грабежа. Скоро во время остановок стали производиться, без ведома Колумба, ночные экспедиции на берег, причем участники их беспощадно грабили и даже убивали туземцев. Это прекратило мирные сношения между туземцами и испанцами, а молва о появлении ужасных грабителей быстро распространилась по всей Центральной Америке, так что скоро для испанцев стало опасно приставать к берегу, ибо везде их ожидали засады туземцев, и тысячи копий и стрел летели в них из этих засад. Однако огнестрельное оружие давало испанцам везде перевес, наводя ужас на туземцев. Колумб, чтобы избежать кровопролитий, всякий раз, когда готовился пристать к берегу, предварительно делал несколько выстрелов из пушек в воздух. Гром выстрелов наводил ужас на туземцев, и они разбегались, оставляя берег свободным.

Между тем борьба с бурями в течение четырех месяцев привела корабли Колумба в самое жалкое положение; к этому присоединился недостаток в провизии. Офицеры и матросы экипажа, не придававшие никакого значения открытию прохода в Великий океан, стали роптать на Колумба и требовать, чтобы он, наконец, остановился где-нибудь на одном месте. Колумбу не впервые приходилось иметь дело с сопротивлением спутников, и он, быть может, продолжал бы борьбу с ними, стремясь к поставленной себе цели; но эскадра действительно пришла в такой вид, что с ней было почти невозможно продолжать исследования, и Колумб решил направиться к той части северного побережья Центральной Америки, которая носит

название Верагуа.

Когда эскадра приблизилась к Верагуа, снова поднялась сильная буря. Полуразбитые корабли не могли пристать к берегу, так как ветер относил их в море. Дождь, молнии, страшные порывы ветра – все это не останавливалось ни на одну минуту ни днем, ни ночью в течение целого ряда дней. К довершению беды Колумб заболел; у него открылась рана, полученная некогда в молодости в борьбе с турками. Казалось, что он неминуемо умрет. Некоторые из спутников Колумба не вынесли всех этих тяжелых испытаний и поумирали. Полное отчаяние овладело всеми.

На восьмой день этой ужасной бури новый феномен привел всех в смертельный ужас. В первый раз испанцы увидели явление, известное под именем смерча, или тифона. На глазах испуганного экипажа воды моря поднимались конусами, черные облака спускались к поднятым водяным массам и соединялись с ними, так что образовывались громадные столбы, носившиеся по морю и грозившие поглотить жалкую флотилию. Ужас, обуявший всех, был так велик, что Колумб, который казался совершенно умирающим, поднялся и стал принимать меры против грозного явления. Меры эти соответствовали духу времени. Вместо пушечных выстрелов, которыми теперь разбивают тифоны, Колумб приказал зажечь благословенные свечи, вынести на палубу знамена со священными изображениями и читать Евангелие, а сам рассекал шпагою воздух по направлению тифонов и чертил ею магические круги. Тифоны счастливо прошли мимо кораблей, и матросы приписали это обстоятельство магическим познаниям Колумба.

Буря продолжалась еще несколько дней. Самое ужасное было то, что провизия, которая еще оставалась в небольшом количестве на кораблях, была до такой степени пропитана морской водой, что ее почти нельзя было есть. Наконец корабли пристали к берегу. Колумб купил у туземцев достаточный запас провизии и сделал некоторые починки на кораблях. Но здесь эскадру ожидала новая беда: гавань, в которой она остановилась, была устьем реки; вода в последней так быстро и неожиданно поднялась, что напор ее бросил корабли Колумба один на другой, и они едва не разбились. Кое-как эскадра выбралась в море и наконец пристала к Верагуа.

Верагуа была избрана ввиду того, что все туземцы Центральной Америки, с которыми экспедиция вступала в сношения, указывали на эту страну как на богатейшую месторождениями золота. И действительно, несколько экспедиций, предпринятых испанцами в глубь страны, дали им

возможность собрать меною от туземцев громадное количество золота, откуда они заключили о присутствии в Верагуа богатых месторождений этого металла.

Колумб решил основать здесь колонию. Он мечтал, что она станет новым опорным пунктом его, а доставляемые ею богатства дадут ему возможность предпринять экспедицию для открытия Великого океана и лежащих за ним стран Азии, описанных Марко Поло. Предполагалось, что Варфоломей с большею частью экипажа останется во вновь основанной колонии, а Колумб вернется в Испанию, организует новую экспедицию, наберет колонистов и доставит в новую колонию всевозможные припасы. Были построены хижины; с кораблей перенесли в них оружие, запасы одежды и прочее. Колумб собирался уже отплыть. Но в это время он с ужасом заметил, что его корабли изъедены червем, водящимся в тропических морях, и грозят потонуть. Пришлось выгрузить на берег все, что было на кораблях, и приняться за починку их. Это заняло много времени, и только в апреле 1503 года Колумб мог оставить колонию.

Встречный ветер не дал ему далеко уйти, и он должен был снова пристать к берегу. Это было счастьем для оставленных испанцев, так как, лишь только корабли Колумба отплыли, туземцы Верагуа, выведенные из терпения жестокостями испанцев, восстали и напали на оставшихся колонистов, которые, ничего не подозревая, разделились на несколько групп, отделенных друг от друга значительным расстоянием. Многие испанцы были убиты, другие ранены, в том числе Варфоломей. Последний послал оставленную ему шлюпку к Колумбу, чтоб известить его о случившемся и просить подать помощь оставшимся в живых колонистам, которые были осаждены в своей колонии массою туземцев. Но, как Колумб ни старался подойти к колонии, встречные ветры отбрасывали его корабли в море, и колонисты были предоставлены собственной участи. Положение их было ужасно, так как всякого, выходившего из колонии, ожидала неизбежная смерть от копьев и стрел туземцев, а между тем в колонии совсем истощился запас провизии и начался голод со всеми его ужасами. Наконец море успокоилось, и Колумб мог забрать на свои корабли измученных и израненных колонистов, еще оставшихся в живых.

Итак, попытка основать колонию на материке Южной Америки не удалась. Колумб устроил совещание из своих офицеров для решения вопроса о том, что делать. Запасов провизии на кораблях могло хватить на переезд до Испании лишь в том случае, если бы экипаж кораблей был значительно уменьшен; теперь же, когда на корабли были снова взяты

колонисты Верагуа, припасов не могло ни в каком случае хватить на столь долгий путь. К тому же и корабли пришли в такое состояние, что пускаться на них в Европу было крайне опасно. Поэтому совет решил, что экспедиция отправится к Гаити, починит там корабли, сделает запас провизии и уже тогда отправится в Европу.

Скоро одно из судов обнаружило такую сильную течь, что пришлось бросить его, а экипаж перевести на другие суда. Последние тоже имели течи, и только чрезвычайные усилия экипажа спасали их от потопления. К этому присоединились волнения среди экипажа. Большинство офицеров, из-за своего невежества, пришло к опасному заблуждению, будто Колумб ошибается в направлении пути, и требовало от него, чтобы он изменил его. К офицерам присоединились матросы, думавшие, что Колумб не хочет плыть к Гаити, боясь, что его не. пустят на этот остров, как не пустили уже один раз. Напрасно Колумб старался объяснить экипажу, почему он выбрал данное направление, а не другое: взбунтовавшийся экипаж самовольно изменил направление, благодаря чему корабли попали под ветер, были отнесены к Ямайке и никак не могли двинуться к Гаити, будучи отталкиваемы встречными ветрами.

Вокруг Ямайки находится множество мелких островов. Это очень опасные для судоходства места, и здесь корабли Колумба потерпели такие повреждения, что на них оказалось невозможным продолжать плавание, даже когда прекратились встречные ветры. Добравшись кое-как до удобной бухты на Ямайке, Колумб вынужден был здесь остановиться.

Поставив свои полуразбитые корабли на якоря, Колумб соединил их помостом, скрепил один с другим, выстроил на помосте бараки и решил оставаться здесь, изыскивая, между тем, средства дать знать о своем несчастном положении на Гаити и просить помощи. К этому времени все припасы экспедиции окончательно истощились и экипаж начинал голодать. К счастью, жители Ямайки, еще незнакомые с жестокостью испанцев, отнеслись к ним самым добродушным образом. Колумб заключил с несколькими селениями туземцев договор, по которому они обязались доставлять испанцам нужное количество припасов, за что получали ножи, зеркала и тому подобные безделки. Тем не менее положение экспедиции казалось отчаянным. На Ямайке было достаточное количество леса, но построить из него новые корабли Колумб не мог, так как все сведущие в этом деле члены экипажа погибли в Верагуа; не оставалось даже ни одного плотника. Можно было только срубить плот, но на нем переехать море, отделявшее Ямайку от Гаити, нечего было и думать. Как же

было дать знать о себе на Гаити?

Колумб, однако, не отчаивался. В надежде, что найдется средство вступить в сношение с Гаити, а оттуда и с Испанией, он составил для Изабеллы и Фердинанда подробный отчет о своем последнем путешествии, о своих новых открытиях и, наконец, о своем теперешнем положении. Удивительнее всего, что, находясь в таком безнадежном положении, Колумб питал все те же надежды, грезил все о тех же предприятиях, которые воспламеняли его в дни молодости. Он пишет о своих намерениях освободить от турок Святую Землю, и, если что огорчает его в его настоящем положении, так это только замедление в осуществлении давно задуманного плана. А между тем Колумбу в это время было уже шестьдесят восемь лет и он лежал почти смертельно больной. Великий дух брал верх над его дряхлым телом…

Однако, так или иначе, было необходимо установить сношения с Гаити. Для этого могли служить только легкие лодки, какие имелись у туземцев, – так называемые пироги. Но пуститься в открытое море на подобной пироге значило идти почти на верную смерть. Когда Колумб предложил своим спутникам взяться за это предприятие, все отказались, за исключением одного храброго офицера, Диего Мендеса, который был искренне привязан к Колумбу. Мендес пригласил в качестве гребцов нескольких туземцев и отправился в опасный путь. Через две недели он, однако, явился снова перед Колумбом; оказалось, что на дороге на него напали туземные пираты, его спутников-индейцев убили, а его самого увели внутрь Ямайки, откуда ему, однако, удалось убежать.

Несмотря на эту неудачу, Мендес решился попытать снова счастья. На этот раз к нему присоединилось несколько испанцев, и путешествие оказалось счастливее. После громадных трудов, сопровождаемых страшными лишениями, голодом, смертельною жаждою и так далее, храбрецам удалось достигнуть Гаити. Но они пристали к острову в той части, где не было испанских поселений, и им пришлось сделать тяжелый, полный лишений путь по болотам Гаити, пока они добрались до ближайшей испанской колонии.

Ни Колумб, ни его товарищи не сомневались в том, что губернатор Гаити, лишь только узнает об их несчастье, немедленно пришлет корабли. Однако Овандо, тот самый испанский губернатор, который не пустил Колумба на Гаити в начале последнего путешествия великого человека, всего менее был склонен выручать Колумба из беды. Он не только не послал казенных кораблей, бывших в его распоряжении, но даже не

позволял друзьям Колумба, которые еще оставались у него на Гаити, принять меры для его спасения. Мало того, Овандо держал храброго Диего Мендеса почти как пленника, лишая его возможности предпринять что-либо в пользу своих несчастных товарищей, остававшихся на Ямайке.

Такое положение вещей продолжалось семь месяцев – и все это время Колумб и его товарищи оставались в своем ужасном положении. Наконец общественное негодование на Гаити против Овандо достигло такой степени, что губернатор решил послать на помощь Колумбу небольшое судно. Но он делал это вовсе не с тем, чтобы действительно помочь ему, а лишь для успокоения испанского населения Гаити. Маленькое судно явилось перед стоянкой Колумба и передало последнему письмо Овандо, в котором он извинялся, что разные важные дела мешают ему прийти на помощь Колумбу; кроме письма, судно передало Колумбу бочку вина и немного муки и затем, снявшись с якоря, исчезло.

Колумб, несмотря на то, что ему приходилось и раньше многое переносить из-за человеческой подлости, теперь был крайне поражен. Помощь, которую он так нетерпеливо ждал столь долгое время, превратилась просто в грубую насмешку. И без того он страдал серьезною болезнью, но теперь силы его окончательно надорвались. Он слег и лежал недвижим, ожидая окончания своих страданий.

На спутников Колумба ужасная шутка, разыгранная Овандо, произвела различное впечатление. Часть их, преданная Колумбу, была возмущена поступком Овандо и клялась отомстить ему; другая часть, напротив, увидела в выходке Овандо подтверждение того, что Колумб – отверженный, что он поставлен вне закона и что они подвергаются жестоким испытаниям только за то, что до сих пор повиновались ему. Рассуждавшая таким образом часть экипажа решила оставить Колумба и попробовать добраться без него до Гаити. Однажды эти заговорщики толпою явились к Колумбу и заявили ему, что так как ему запрещен въезд в Испанию и колонии, то он может оставаться на Ямайке, но что они желают возвратиться на родину, а потому забирают все лодки, купленные Колумбом у туземцев со всеми имеющимися на них запасами, и отправляются на Гаити. Колумб, огорченный этим новым возмущением своих подчиненных, все более скорбел за них самих, так как ясно понимал, что они решаются идти на верную гибель. Он старался отговорить их от безумного намерения, но все было напрасно – бунтовщики, ограбив Колумба и оставшихся верными ему спутников, отправились в дорогу…

Как и предвидел Колумб, бунтовщики не добрались до Гаити.

Недостаток пресной воды, которой нельзя было взять много в утлых пирогах, и бури заставили их снова вернуться на Ямайку. Здесь они стали бесчинствовать, забираясь в селения туземцев, отнимая у них съестные припасы, совершая насилия над женщинами и так далее. Туземцы пытались отразить разбойников силою, но превосходство оружия испанцев давало им перевес над бедными индейцами, вооруженными первобытными стрелами и копьями, у которых роль острия играли рыбьи кости. Тогда туземцы стали удаляться в глубь острова. Негодование их распространилось также на Колумба и его верных спутников как на товарищем разбойничавших испанцев. Туземцы заявили ему, что они прекратят доставку съестных припасов, так как желают, чтобы все белые на острове перемерли голодною смертью. Положение Колумба и его товарищей, у которых бунтовщики отняли все приобретенные ими раньше от туземцев запасы провизии, было теперь самое отчаянное. Большинство испанцев, остававшихся на кораблях Колумба, лежало в тяжелых болезнях; меньшинству здоровых оставался один способ для добывания пищи – рыбная ловля. Но, не говоря уже о ненадежности этого способа вообще, он не мог дать достаточного продовольствия для всех. Колумбу и его товарищам угрожала голодная смерть, если их оставят туземцы. В таких крайних обстоятельствах Колумб решил прибегнуть к экстраординарной мере, которая, будучи основана на обмане, сама по себе претила ему. Предстояло солнечное затмение, и он объявил туземцам, что если они оставят его без съестных припасов, то он лишит их солнца. Когда в назначенный день и час дневное светило начало меркнуть, это произвело такое впечатление на туземцев, что они толпами бросились к Колумбу, умоляя его очистить солнце и обещая продолжать доставку припасов. И действительно, с этого времени туземцы доставляли Колумбу все необходимое, довольствуясь тем вознаграждением, какое он мог им дать.

Бунтовщики, после удаления туземцев в глубь острова, терпели крайнюю нужду и с завистью смотрели на оставшихся с Колумбом товарищей, которые аккуратно получали от туземцев съестные припасы. Они могли, конечно, вернуться к Колумбу, хорошо зная, что он простил бы их. Но злоумышленники предпочли идти иным путем. Они задумали сгубить Колумба, рассчитывая занять его место по отношению к туземцам, и с этой целью вошли в соглашение с некоторыми недостойными людьми, остававшимися среди товарищей Колумба, причем решились напасть на его корабли. Ночью, разбойническим образом они произвели свое нападение, будучи уверены в полном успехе. К счастью, Колумб предвидел возможность такого поступка со

стороны этих гнусных людей и держал на кораблях постоянный караул. По тревоге караульных все способные еще держать оружие в руках бросились на нападавших и отразили их. Варфоломей, брат Колумба, убил в этой схватке главного предводителя бунтовщиков, после чего они рассеялись. Через несколько дней заговорщики стали являться к Колумбу с повинною, и он не только простил их, но и принял снова в число своих товарищей.

Больше года провел Колумб в таком ужасном положении на Ямайке. Все это время вследствие тяжкой болезни ему пришлось лежать неподвижно на постели, и, несмотря на то, он был единственный человек между всеми несчастными, попавшими в это ужасное положение, который не падал духом и поддерживал мужество своих товарищей. Вместе с тем ему же приходилось постоянно думать о средствах обеспечения своих товарищей, и только благодаря его уму и мужеству они не погибли на Ямайке.

Наконец пришло спасение. Диего Мендес нашел-таки способ соорудить корабль вопреки желанию Овандо. Когда он был готов, Овандо счел невозможным далее уклоняться от исполнения своей обязанности по отношению к покинутым на Ямайке соотечественникам и также отправил к Колумбу корабль. В конце июня 1504 года два судна явились к стоянке Колумба и забрали всех несчастных, перенесших столько бедствий. На Гаити Колумб оставался недолго, но достаточно для того, чтобы видеть ужасное положение острова, в которое привел его Овандо. Почти все туземное население было истреблено испанцами. Богатая растительность также была большею частью истреблена, и остров представлял собой настоящую пустыню. Испанцы заботились об одном лишь золоте и занимались только разработкою золотых приисков, заставляя работать в них жалкие остатки некогда многочисленного туземного населения. Богатый остров, который легко мог сделаться житницей для самой Испании, теперь требовал подвоза припасов из метрополии, без которых его колонисты не смогли бы совсем существовать.

С тяжелым сердцем оставил Колумб Гаити и, совершив в последний раз переезд через океан, прибыл 7 ноября 1504 года в Испанию.

Глава IX. Последние дни Колумба и его смерть

Неприятности, ожидавшие Колумба в Испании. – Смерть Изабеллы. – Попрание Фердинандом прав и претензий Колумба. – Смертельная болезнь и кончина Колумба. – Несколько заключительных слов.

Колумб прибыл в Испанию совершенно разбитым, умирающим. Он прожил, однако, еще полтора года. Эти последние дни его жизни были по-прежнему полны огорчений и неприятностей. Человек, которому Испания была обязана целым миром и с которым по договору испанская корона должна была делить все богатства и доходы этого мира, страдал от бедности. Великая душа Колумба легко могла переносить нищету, но бедствия его утраивались из-за того, что он не имел возможности оказать помощь своим несчастным товарищам, которые провели с ним два с половиною года в последнем столь злополучном путешествии. Когда эти несчастные были перевезены с Ямайки на Гаити, испанское правительство предоставило их собственной участи. Колумб на свои личные средства перевез их в Испанию, не различая тех, кто оставался ему верен, от тех, кто восставал и даже злоумышлял против него. Но затем его средства истощились, и он уже ничего не мог для них сделать. Эти несчастные, изнуренные четырехлетними бедствиями, не только были оставлены испанским правительством без всякой помощи, но им не было даже выдано жалованье за время путешествия. И они ежедневно являлись толпами к Колумбу, умоляя его помочь им или ходатайствовать за них. Болезнь удерживала Колумба в постели и мешала ему лично хлопотать за несчастных, но зато он много раз писал об этом – то в управление по делам Нового Света, то королю и королеве. Все его представления были оставляемы без малейшего внимания. Изабелла лежала в это время при смерти, а Фердинанд только смеялся над наивным стариком, ожидавшим справедливости от испанского правительства.

Колумб решился просить аудиенции у Изабеллы, несмотря на ее и свою собственную болезнь. Страдания великого старца достигли такой степени, что он не мог предпринять путешествия ко двору обычными средствами. Ни верховая езда, ни езда в экипаже были для него невозможны. Друзья из духовенства предложили ему ехать в огромном катафалке, на котором отвозили хоронить севильских архиепископов. В этот странный

экипаж была поставлена постель Колумба, и, лежа на ней, он отправился ко двору. Это было печальное путешествие. Толпы народа выходили навстречу несчастному страдальцу, как в то памятное шествие, которое выпало на долю Колумба по возвращении из первого путешествия в Америку; но эти толпы привлекало уже не имя Колумба, а его экипаж, и, узнав, что в нем везут только человека, открывшего Америку, а не тело архиепископа, они разочарованно расходились.

Когда Колумб в конце ноября 1504 года явился ко двору, Изабелла только что умерла. Последние надежды Колумба исчезли.

После смерти Изабеллы Колумб адресовал Фердинанду целый ряд писем, требуя восстановления своих прав вице-короля Нового Света. Но Фердинанд спокойно оставлял все письма Колумба без ответа.

Полуумирающий Колумб снова явился ко двору и потребовал аудиенции. Фердинанд не решился отказать ему в этом и принял его. Когда эти два человека столь противоположных нравственных качеств стали лицом к лицу, у Фердинанда не хватило мужества откровенно заявить Колумбу о своем нежелании восстановить Колумба в его правах и он прибег к самой грубой лжи. Он вежливо расспрашивал Колумба о последнем путешествии и просил его хорошенько отдохнуть, после чего они поговорят о вступлении Колумба в исполнение своих обязанностей вице-короля. Несколько раз после того Колумб снова являлся к Фердинанду, и всякий раз король оканчивал разговор прежним лживым обещанием. Дело кончилось тем, что Фердинанд предложил Колумбу небольшую пенсию за то, чтобы он отказался от своих прав. Колумб с негодованием отверг это предложение.

Наконец силы окончательно оставили Колумба. Он почувствовал, что конец его близок. Вокруг него были в это время его сыновья, некоторые из бывших под его командою офицеров и небольшое число друзей. Отходя в иной мир, великий старец смотрел на цепи, в которые он был закован несколько лет тому назад Бобадильей и которые служили для него эмблемой всех людских несправедливостей, в таком изобилии испытанных им.

Похороны Колумба были крайне скромны. Его хоронили с меньшею торжественностью, нежели самого заурядного идальго или зажиточного горожанина. Только семь лет спустя Фердинанд, как будто под влиянием раскаяния, устроил торжественное перенесение останков Колумба из Вальядолида – места его смерти, – в Севилью, где тело его с чрезвычайною пышностью похоронили в главном соборе.

В 1536 году останки Колумба были снова потревожены. На этот раз они были перевезены через океан и погребены на Гаити.

Еще через два с половиной века, в 1795 году, гроб Колумба выкопали в третий раз и перенесли на Кубу, в город Гавана, где останки Колумба и лежат в настоящее время.

Такова была трагическая судьба великого человека, открывшего Америку и тем вызвавшего величайшие изменения в жизни Старого Света. Вся жизнь его с того момента, когда у него явилась уверенность в возможности открыть новые, неведомые Старому Свету страны и решимость осуществить это открытие, представляет собою длинный ряд страданий. Возвышаясь значительно над современниками своим умственным развитием, Колумб был на порядок выше их и по своей высоконравственной личности; понятно, что при таких условиях он должен был страдать от низких и вероломных людей. Большинство современников не могло оценить великого значения деяний Колумба, а потому и не питало к нему того уважения, которого он заслуживал. Зато потомство вполне оценило эту великую личность. Мы уже упомянули, как останки его сделались священным предметом, и открытая Америка отняла их у метрополии. Чем дальше шло время, тем великое значение открытия Америки все более выяснялось, и тем сильнее возрастало уважение цивилизованного человечества к великому генуэзцу.

В настоящее время, ввиду предстоящего (12 октября 1892 года) четырехсотлетия открытия Америки Колумбом, готовится целый ряд чествований памяти этого благодетеля человечества. Движение в этом направлении всего более проявляется, конечно, в Америке. Географическое общество Буэнос-Айреса взяло на себя инициативу устройства на счет всех государств Южной Америки в бухте Рио-де-Жанейро колоссальной статуи Колумба, которая могла бы служить маяком. Чили и Перу уже одобрили этот проект. Республиканская Бразилия, уничтожившая все ордена, учрежденные бывшей империей, основала вместо них орден Колумба, которым награждены уже несколько тысяч бразильцев. В Соединенных Штатах Северной Америки, где четырехсотлетие открытия Америки будет чествоваться всемирной выставкой в Чикаго, явился проект увековечить имя Колумба памятником совсем особого рода. Памятник, по проекту, будет представлять собою колоссальный глобус, покоящийся на пьедестале, причем диаметр глобуса должен превышать тысячу футов (300 метров), высота пьедестала триста футов. На вершине глобуса предполагается поставить корабль со всеми снастями. Вокруг всего глобуса по экватору протянется галерея около версты в

окружности. От экватора к северному полюсу, извиваясь вокруг глобуса, пойдет рельсовый путь в шесть верст длины. Под сквозным, решетчатым пьедесталом образуется значительная свободная площадь, в центре которой будет поставлена громадная статуя Колумба, а вокруг расположится Колумбовский музей, библиотека, посвященная литературе открытия Америки, и… несколько ресторанов. На вершине монумента будет устроена обсерватория. Стоимость такого памятника определяется в двенадцать миллионов рублей. Будет ли этот грандиозный проект осуществлен?

В Европе также готовятся праздновать четырехсотлетнюю годовщину открытия Америки и чествовать память виновника этого великого события. Почин взяла на себя Испания, правительство которой решило устроить в Мадриде специальную выставку в честь Колумба. Выставка будет открыта в годовщину четырехсотлетия открытия Америки, то есть 12 октября (по новому стилю) 1892 года. На ней будут собраны предметы, характеризующие, с одной стороны, состояние народов Америки во время открытия этой части света, и с другой, – культурное состояние американских государств в настоящее время.

Источники

1. *Вашингтон Ирвинг.* История жизни и путешествий Колумба.
2. *Robertson.* Histoire de 1'Amerique.
3. *Cadoret.* La vie de Christophe Colomb.
4. «Всемирные истории».

notes

Примечания

1

Младший сын Колумба, оставшийся по смерти старшего единственным представителем фамилии Колумба, был объявлен незаконнорожденным